

Постмиграционные общества: экономика, политика, культура

Malakhov, Vladimir; Simon, Mark; Letnyakov, Denis; Motin, Alexander; Samson, Ivan; Babaev, Alexey

Preprint / Preprint

Arbeitspapier / working paper

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Malakhov, V., Simon, M., Letnyakov, D., Motin, A., Samson, I., & Babaev, A. (2020). *Постмиграционные общества: экономика, политика, культура*. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3860892>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY-NC-ND Lizenz (Namensnennung-Nicht-kommerziell-Keine Bearbeitung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY-NC-ND Licence (Attribution-Non Commercial-NoDerivatives). For more information see:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0>

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин А.С., Самсон И.,
Бабаев А.К.

Постмиграционные общества: экономика, политика, культура

Препринт

Москва 2020

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э., Мотин А.С., Самсон И., Бабаев А.К. Постмиграционные общества: экономика, политика, культура // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – М.: РАНХиГС, 2020.

Для осмысления глубины трансформаций во всех сферах жизни общества, генерируемых миграцией, необходима новая терминология. Постмиграционными называются общества, применительно к которым различие между местным и приезжим населением утрачивает смысл в тех или иных социальных сферах. Согласно привычной эпистемологической рамке, общества представляются как нечто состоящее из «местного населения», с одной стороны, и «мигрантского населения», с другой. Такая рамка, однако, все более устаревает. Во-первых, она не отражает факта встроенности феномена пространственной мобильности в социальную структуру. Значительная часть так называемого местного населения сама включена в миграционные процессы. Люди, которые считаются частью «коренного населения», в силу разных обстоятельств (работа по контракту, долгосрочное пребывание в другой стране в связи с учебой, включенность в совместные бизнес-проекты, участие в работе международных научных коллективов, наличие недвижимости за границей и т.д.) являются мигрантами. В то же время те люди, которых обыденное сознание относит к «мигрантам», могут быть прочно встроены в социальные институты своей новой родины. Во-вторых, традиционная эпистемологическая рамка не отражает современной демографической динамики. Она не способна концептуально схватить два момента: (а) ротацию населения в рамках циркулярной/маятниковой миграции; (б) качественное изменение городского населения развитых стран.

Ключевые слова: миграция, постмиграционное общество, Западная Европа, глобальная мобильность, демографическая динамика

Abstract: To understand the depth of transformations in all spheres of society generated by migration, new terminology is needed. The notion of “postmigrant societies” implies that the distinction between local and migrant population loses its relevance in certain social spheres. According to the familiar epistemological framework, societies are presented as consisting of “local population” on the one hand, and “migrant population” on the other. This understanding, however, is becoming obsolete. First, it does not reflect the fact that the phenomenon of spatial mobility is embedded in the social structure. A significant part of the so-called local population is itself included in migration processes. People who are considered to be part of the “autochthonous population” are in fact migrants themselves due to different circumstances (contract work, long-term stay in another country due to studies, involvement in joint business projects, participation in international scientific teams, availability of real estate abroad, etc.). At the same time, those people who are regarded as “migrants” by common sense can be well integrated into the social institutions of their new homeland. Second, the traditional epistemological framework does not reflect contemporary demographic trends. It is unable to capture two points: (a) population rotation within the framework of circular/pendulum migration; (b) qualitative change in the urban population of industrialized countries.

Keywords: migration, postmigrant society, Western Europe, global mobility, demographic dynamics

Исполнители:

Малахов В.С., доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru

Симон М.Е., кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: simon-me@ranepa.ru

Летняков Д.Э., кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: letnyakov-de@ranepa.ru

Мотин А.С., младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, motin-as@ranepa.ru

Самсон И., профессор экономики Университета Пьера Мендеса Франса в Гренобле, ivan.samson@upmf-grenoble.fr

Бабаев А.К., факультет политологии ГАУГН, ababaev@gaugn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
1 Концепция «постмиграционного общества» и ее аналитический потенциал.....	8
2 Ключевые изменения социальной структуры западноевропейских обществ в связи с миграцией.....	14
3 Демографическая динамика последних лет во Франции.....	23
4 Режимы гражданства в европейских странах и проблема контекстной интеграции.....	42
5 Трансформации социокультурного ландшафта в постмиграционных обществах.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	71

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная мобильность пронизывает современный мир в такой мере, что назрела необходимость пересмотра ключевых понятий, используемых экспертами в осмыслении общества. Согласно привычной эпистемологической рамке, общества представляются как нечто состоящее из «местного населения», с одной стороны, и «мигрантского населения», с другой. Такая рамка, однако, все более устаревает. Во-первых, она не отражает факта встроенности феномена пространственной мобильности в социальную структуру. Значительная часть так называемого местного населения сама включена в миграционные процессы. Люди, которые считаются частью «коренного населения», в силу разных обстоятельств (работа по контракту, долгосрочное пребывание в другой стране в связи с учебой, включенность в совместные бизнес-проекты, участие в работе международных научных коллективов, наличие недвижимости за границей и т.д.) являются мигрантами. В то же время те люди, которых обыденное сознание относит к «мигрантам», могут быть прочно встроены в социальные институты своей новой родины. Более того, для представителей новых волн иммиграции эти люди выступают как часть «принимающего населения». Во-вторых, традиционная эпистемологическая рамка не отражает современной демографической динамики. Она не способна концептуально схватить два момента: (а) ротацию населения в рамках циркулярной/маятниковой миграции; (б) качественное изменение городского населения развитых стран – в некоторых европейских мегаполисах доля лиц с миграционным бэкграундом достигает четверти от всего населения, а в ряде городов Канады и США она превышает половину.

Концепт «постмиграционные общества» был введен в современную науку сравнительно недавно. Его предложили во второй половине 2010-х годов немецкие социологи [1] для описания и анализа обществ, проделавших в течение последнего полувека опыт масштабной иммиграции. Речь при этом идет не о количественных, а о качественных изменениях (т.е. не о том, что мигрантов теперь больше, чем раньше, а о том, что их присутствие влечет за собой значимые трансформации как демографического, так и политического и социокультурного характера.

Эти трансформации прослеживаются сразу в нескольких измерениях. В демографическом плане складывается новая ситуация, в которой дихотомия «этническое большинство»/ «этнические меньшинства» в большинстве западноевропейских стран утрачивает смысл. Доля молодежи 14-29 лет – на национальном уровне – часто достигает трети от населения этой возрастной категории, а на уровне отдельных крупных городов – половины (Рисунок 1)

Многообразие европейского населения в возрастах от 15 to 34 лет

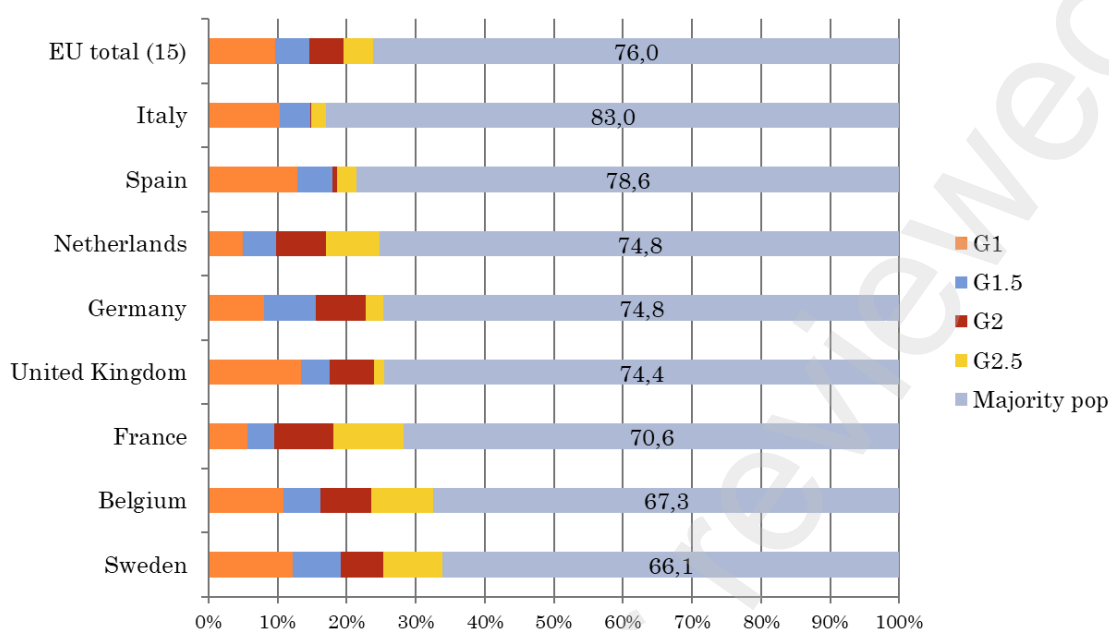

Рисунок 1 - Многообразие европейского населения в возрастах от 15 до 34 лет [2].

Социокультурное измерение трансформаций, которые имеют место в рамках постмиграционного общества, охватывает следующие процессы. Во-первых, релятивизируется деление населения на «местных жителей» и «мигрантов». Выходцы из мигрантской среды начинают восприниматься как «местные жители». Само по себе наличие у индивида миграционного бэкграунда не делает его или её членом отдельной социальной группы; люди с миграционным бэкграундом представлены во всех социальных группах.

Во-вторых, меняется характер социальной коммуникации. Потомки мигрантов, социализировавшиеся в той или иной европейской стране, являются полноценными участниками общественно-политической и культурной жизни этой страны. Сам факт присутствия таких людей способствует изменению содержания (и формы) публичных дискуссий. Благодаря миграционному бэкграунду (и связанному с ним особому опыту) эти люди – являющиеся неотъемлемой частью общества – способствуют тому, что общество переопределяет свою «идентичность». В связи с выходом на авансцену акторов с иным опытом возникают новые темы общественных дискуссий (и переосмысление привычных тем). Усложняется конфигурация социальных сетей: вместо прежнего водораздела между «мигрантскими» и остальными культурными пространствами возникает множество площадок общения с множеством участников разного происхождения.

В-третьих, происходят изменения структуры индивидуальных и групповых идентичностей. Иными словами, дело упирается в усложнение идентичностей. Так называемые «гибридные идентичности» перестают быть маргинальным явлением и становятся нормой. Происходит наложение друг на друга, перекрещивание различных идентификаций и лояльностей – связанных с культурной (и субкультурной) принадлежностью, этнической, конфессиональной, гендерной принадлежностью, сексуальной ориентацией, идеологической приверженностью и т.д.

Надо сказать, что концепт «постмиграционные общества» вызвал неоднозначную реакцию академического сообщества. Вопрос о его верифицируемости, в самом деле, открыт. Если он применим к немецкому случаю (а именно на основе изучения опыта Германии немецкие социологи предложили это понятие), то применим ли он, скажем, к Исландии, Ирландии, Болгарии и другим европейским странам, не сталкивавшимся со столь масштабными миграционными потоками, как Федеративная республика?

Как бы то ни было, ученые и эксперты, а также политики и гражданские активисты, пользующиеся этим концептом, связывают с ним немалый описательный и аналитический потенциал. А именно, посредством введения в научный оборот данного концепта, появляется возможность продемонстрировать, что дихотомия «миграционные страны» Северной Америки vs. «национальные государства» Западной Европы себя изжила. И те, и другие пронизаны миграцией. Если угодно, ученые и общественные деятели, использующие данный концепт, затрагивают проблематику, четверть века назад обсуждавшуюся в терминах «постнационального государства». И здесь и там в фокусе внимания находится появление новых форм социальных отношений.

Понятие «постмиграционные общества» указывает на усложнение структуры экономического, политического и культурного полей. Правда, многие из сегодняшних трендов наблюдались и прежде, однако к началу второго десятилетия XXI века они приобрели рутинный характер. В экономическом поле наблюдается появление новых предприятий, потребностей, структуры спроса и предложения, вызванных культурным и этническим многообразием. В политическом поле наблюдаются ощутимые изменения в составе электората и в составе политического класса (парламентарии мигрантского происхождения); переплетение НКО («мигрантских» и «не-мигрантских»); новое качество дискуссий о национальной идентичности (поляризация элит и общественного мнения по этому вопросу – причем полюса формируются не по «этническим» линиям). В культурном поле появляются деятели искусства с миграционным опытом, транслирующие этот опыт публике, новые «властители дум» – такие публичные интеллектуалы, как Навид Кермани, Тарик Али, Ахмад Масуд или Тарик Рамадан.

1 Концепция «постмиграционного общества» и ее аналитический потенциал

Концепция «постмиграционных обществ» во многом созвучна двум другим концепциям – «транснационализму» и «сверхразнообразию». Термин «транснационализм» был введен социальными учеными на рубеже XX-XXI веков для обозначения специфического места сообществ, образуемых мигрантами, в географическом и социальном пространстве [3],[4],[5],[6],[7]. Эти сообщества сохраняют связь со страной происхождения (а также с «соплеменниками» в других частях мира) и вместе с тем укоренены в социальной структуре принимающей страны. Иными словами, речь идет об одновременном присутствии в двух физических и социальных пространствах.

Транснационализм связан с понятиями трансграничных связей, отношений и практики. Говоря о миграции, наличие связей сразу с несколькими местами или ощущение «нахождения везде и нигде» всегда было характерной особенностью опыта мигрантов. Транснациональный уклад жизни, разделенной между несколькими местами, означает, что связи и взаимодействие по разные стороны границ являются обыденной и устойчивой частью реальности и деятельности мигрантов. Эти связи принимают форму идей, ценностей и практик, а также политической деятельности и экономических операций.

Понятие транснационализма используется здесь с целью рассмотрения миграции под иным углом, поскольку оно позволяет акцентировать внимание на связях между странами, которые выстраиваются диаспорами и мигрантами. Таким образом, оно облегчит анализ более объемных вопросов, касающихся миграции и социальных изменений. Транснационализм усиливает трансграничные связи между людьми, общинами и обществами, изменяя социальную, культурную, экономическую и политическую структуру обществ страны происхождения и страны пребывания мигрантов. Трансграничные связи между обществами, созданные миграцией, требуют от государств выработки и реализации адекватных общеполитических мер. Это обусловлено двумя факторами: во-первых, миграционная политика, которая вписывается в транснациональный контекст, обычно имеет характеристики, выходящие за национальные рамки, в которых она, прежде всего, должна применяться. Во-вторых, успех или провал такой политики зависит, однако всегда в разной степени, от реальности, которая имеется по другую сторону границы.

Однако теоретическая рамка транснационализма аналитически уязвима: индивиды с миграционным бэкграундом воображаются здесь как отдельная группа, отделенная от

местного населения пусть и прозрачной, но все же достаточно ощутимой символической границей.

В качестве реакции на недостаточность теоретической рамки транснационализма (а также популярных в социальной науке 1980-х годов таких концепций как «мультикультурное общество», «мультикультурализм», «культурный плюрализм») возникла концепция Сверхразнообразия [8]. Данная концепция призвана схватить те общественные трансформации, которые не схватывались прежним концептуальным аппаратом. К числу этих трансформаций относятся: (1) новое качество социальной мобильности (на рубеже 20-21 вв. уровень мобильности стал принципиально выше); (2) новые формы социальной коммуникации, связанные с цифровыми технологиями («сообщества идентичности» поверх государственных границ); (3) умножение правовых статусов; (4) разветвление миграционных траекторий и (5) умножение биографических траекторий.

Остановимся подробнее на трех последних параметрах феномена сверхразнообразия, выделенных британским ученым.

Первый из них – это умножение правовых статусов. Гражданство, вид на жительство (временный или бессрочный), супруг или супруга лица с видом на жительство, статус политического беженца, статус лица, пользующегося временным убежищем, статус «толерлируемого» лица (когда в убежище отказано, но высылка из страны невозможна по гуманитарным причинам) и т.д. Кроме того, в развитых странах существуют десятки виз, предусматривающих самые разные режимы пребывания (с разрешением или запретом трудовой деятельности, для высококвалифицированных специалистов, студентов, предпринимателей и т.д.). Стоит также упомянуть о программах гражданства для инвесторов, действующих во многих государствах

Второй феномен – это разветвление миграционных траекторий. Если в 1950-1960-е годы большинство мигрантов составляли либо выходцы из бывших колоний (случай Франции, Нидерландов, Великобритании) или «гостевые работники» (случай Германии, Австрии, Швейцарии), то в последние три десятилетия ситуация радикально изменилась. Транзитная миграция, студенческая миграция (и та и другая зачастую ведут к появлению в стране новых постоянных жителей), миграция по линии воссоединения семей, различные формы временной трудовой миграции, перерастающие в переселенческую, миграция высоко квалифицированных специалистов, предпринимателей. Обратим внимание, что в 2000-е годы получила широкое распространение миграция из стран «Севера» в страны «Юга»; как правило, это переселение европейцев в страны, некогда бывшие их колониями (португальцы едут жить и работать в Мозамбик, британцы – в Малайзию и прочие

государства Содружества и т.д.). Отдельного разговора заслуживает «жизненно-стилевая» миграция: достаточно состоятельные люди переезжают на постоянное жительство в другую страну не в связи с работой, а ради нового образа жизни. И это не только пенсионеры (скажем, из Германии или из Великобритании, покупающие недвижимость, соответственно, в Турции и Испании), но и достаточно молодые люди, склонные к перемене мест по эстетическим соображениям.

Третий феномен – усложнение биографических траекторий. Здесь на ум приходят в первую очередь разного рода *self made men*, сделавшие карьеру в бизнесе, политике, культуре, науке или развлекательной индустрии. Однако в то же время есть сотни тысяч примеров, иллюстрирующих воспроизводство бедности от одного поколения к другому или движение вниз по социальной лестнице людей, начинавших с многообещающих стартовых позиций. Иными словами, индивиды с миграционным бэкграундом так же, как и «коренные» жители, с высокой долей вероятности могут пополнить ряды прекариата [9],[10]. Протагонисты концепции сверхразнообразия специально подчеркивают, что сверхразнообразие подразумевает не прибавление новых переменных к уже существующим, а новые сплетения переменных [11].

И, наконец, еще один крайне важный момент. Категория Сверхразнообразия характеризует не просто факт множественности различий, а факт публичного предъявления этих различий. Дело заключается не в том, что различий стало больше, а в том, что их носители стремятся к их артикуляции.

Возвращаясь к нашему исходному понятию – «постмиграционные общества». Его не следует интерпретировать в том смысле, что в обществах подобного типа имеет место всеобщий консенсус по поводу значимости феномена миграции или места и роли и мигрантов. Конфликты по этим вопросам никуда не исчезают. Более того, сущностным свойством постмиграционного общества является как раз возросшая конфликтность. Причина тому, сколь бы парадоксально это ни звучало, заключается в успешной интеграции мигрантов и их потомков [12]. Превратившись из маргиналов в неотъемлемую часть общества, выходцы из мигрантской среды начинают претендовать на участие в его само-определении, в переговорах по поводу содержания его «идентичности».

Термин «постмиграционное общество» продолжает критику иерархии в немецкой публичной сфере, которую инициировал в середине 1990-х годов поэт и писатель Феридун Заимоглу¹, используя понятие «постмиграционная культура» [13]². Дело не

---

¹ Немецкий поэт и писатель турецкого происхождения. Его литературный дебют — книга стихов «Kanak Sprak» — спровоцировал бурную общественную дискуссию о положении мигрантов второго поколения в Германии.

только в стигматизации определенных групп, на которые навешивается ярлык «мигрантов», несмотря на то, что они являются уроженцами Германии и ее жителями во втором или даже третьем поколениях. Немецкая интеллектуальная среда неизменно декларирует свою открытость и интернациональность, но при этом присутствие мигрантов на ведущих культурных площадках на протяжении длительного времени носило весьма ограниченный характер³. Тем самым активисты мигрантского происхождения обнаруживали себя в своеобразном «культурном гетто», поскольку их присутствие на больших городских площадках де-факто имело маргинальный характер.

Термин «постмиграционное общество» указывает на ситуацию, когда присутствие на мигрантов в публичной сфере перестает быть экзотикой, то есть на такую, когда миграция воспринимается как органическая часть жизни, а не периферийное явление [15],[16].

Немецкий центр исследований интеграции и миграции (Deutsche Zentrum für Integrations- und Migrationsforschung – DeZIM) с июня 2018 года по январь 2019 года проводил исследование об отношении западных и восточных немцев к людям мусульманского происхождения. Исследование было построено на телефонном опросе. Выборка состояла из 7233 респондентов – были опрошены 4613 человек в Западной Германии и 2612 в Восточной (бывшая ГДР) [17].

Основные результаты состоят в следующем. Среди респондентов из Западной Германии 36,5% полагают, что «мусульмане» склонны выставлять себя жертвами дискриминации, чтобы добиться социальных преференций. Однако в этой же группе респондентов (западные немцы) распространено мнение о том, что восточные немцы еще чаще, чем «мусульмане», пытаются выставить себя «жертвами». Так думают 41,2%. Среди восточноевропейских респондентов 39,1% согласились с тем, что «мусульмане» выставляют себя «жертвами» и 28,5% согласны с тем, что это свойственно и восточным немцам.

В Восточной Германии 33,8% респондентов согласились с тем, что к мусульманам относятся как к гражданам «второго сорта». При этом 35,3% жителей бывшей ГДР считают, что к восточным немцам такое же отношение. Почти одинаковое количество утвердительных ответов среди жителей Восточной Германии было дано на вопрос о том, нужно ли мусульманам, с одной стороны, и восточным немцам – с другой, прилагать больше усилий, чтобы получить равные права – 52,7% и 49,1% соответственно. При этом,

---

² Так, в 1998 году состоялась конференция «Постмиграционная турецко-немецкая культура» с его участием [14].

³ Прикладная драма (applied drama) — театр, функционирующий как инклюзивная социальная практика для уязвимых групп, но не воспринимающийся как самодостаточное художественное явление.

когда вопрос задавался относительно доступа к позициям на рынке труда, разница стала более ощутимой. 54,1% восточно-немецких респондентов считают, что для мусульман этот доступ затруднен и 37,3% разделяют это мнение относительно жителей бывшей ГДР.

В Западной Германии 43,3% респондентов разделяют мнение о том, что мусульманское население недостаточно резистентно к экстремистским взглядам. При этом 37,4% западных немцев выносят аналогичное суждение о жителях восточной Германии. В бывшей ГДР такое мнение о мусульманах разделяют 51,7%. При этом 26,7% согласны с тем, что и восточные немцы могут быть подвержены влиянию экстремистских идей. Последнее свидетельствует о том, что восточным немцам свойственно интериоризировать медийные стереотипы о них самих. Что же касается стереотипов о мусульманах, то им западные и восточные немцы подвержены примерно в равной степени, хотя восточные чуть больше.

В Западной Германии наблюдается тенденция к дискурсивной «мигрантизации» восточных немцев. То есть, определенная часть населения разделяет мнение о том, что восточные немцы в недостаточной степени адаптировались к социально-экономическим реалиям сегодняшней Германии. Так, 58,6% западно-немецких респондентов согласились с тем, что мусульманское население недостаточно адаптировано к социальной жизни их страны и 36,4% думают то же самое о восточных немцах.

Наика Фуртан в своих опросах обнаруживает любопытное противоречие. Значительное число респондентов и на западе и на востоке Германии разделяют мнение о том, что «мусульмане» должны предпринимать больше усилий для интеграции. Но при этом многие испытывают опасения, что люди мусульманского происхождения займут ключевые позиции в немецком обществе. Такому страху подвержены 47,6% восточно-немецких респондентов и 33,8% западно-немецких. Получается, что реальная структурная интеграция «мусульман» – то есть работа социальных лифтов – нередко воспринимается скорее как угроза, чем общественное благо.

В Восточной Германии куда больше респондентов, чем в Западной, опасаются, что мусульмане начнут предъявлять больше общественных и политических требований – 53,1% против 37,5%. Кроме того, в Восточной Германии охотнее, чем в Западной, соглашаются с тем, что исламское вероисповедание должно быть ограничено в праве на присутствие в публичном пространстве – 43,9% против 30,3%.

Можно предположить, что «обесценивание» и отсутствие признания, которое восточные немцы зачастую испытывают со стороны западных, вынуждают первых более опасливо относиться к эмансипации людей мусульманского происхождения.

Коррективы к этой картине предлагает еще одно исследование Наики Фуртан, которое она проводила на базе Берлинского института эмпирических интеграционных и миграционных исследований Университета имени Гумбольдта (Berliner Institut für empirische Integrations- und Migrationsforschung der Humboldt-Universität zu Berlin – BIM) в 2015 году [18]. Это исследование сфокусировано на межпоколенческих различиях в отношении к «мусульманам».

Наиболее интересный его результат состоит в том, что люди в возрасте от 16 до 25 лет в гораздо меньшей степени подвержены медийным стереотипам относительно мусульман. Это объясняется тем, что они пользуются иными источниками знаний о «мусульманах», чем люди более старшего возраста. Так, респонденты в возрасте от 16 до 25 лет черпают основную информацию из личного общения – разговоров – с людьми мусульманского происхождения. Так ответили 48,3% респондентов. 41,9% учатся с «мусульманами» в школе и университете; и только 28,2% получают информацию о «мусульманах» из телевизора (ответы в опроснике не были взаимоисключающими).

2 Ключевые изменения социальной структуры западноевропейских обществ в связи с миграцией

Рациональные решения в сфере миграционного регулирования принимаются лишь в тиши кабинетов [19], [20]. Как только тема миграции политизируется, такие решения крайне затрудняются – поскольку правящие элиты вынуждены не только считаться с взбудораженным общественным мнением, но и с активностью правопопулистских сил. Соответствующие движения и партии, капитализируя антимиграционные настроения, расширяют площадку для продвижения своей повестки в парламенте и в центральных СМИ. Чем больше кресел в органах законодательной власти они получают, тем больше у них возможностей для навязывания стране антилиберального курса в иммиграционной политике – как прямых (через лоббирование антимиграционных законопроектов), так и косвенных – через мобилизацию общественного мнения [21], [22].

Антимиграционные партии, однако, не смогли бы успешно продвигать свою повестку, если бы не опирались на определенный набор стереотипов по поводу феномена миграции, циркулирующих в обыденном сознании. Более того, эти стереотипы подчас легитимируются членами академического сообщества, имеющими доступ к СМИ. В результате формируется своего рода политическая мифология⁴, в воспроизводстве которой участвуют самые разные акторы – от активистов ультранационалистических организаций до журналистов и экспертов [25],[26],[27].

Базовые конструкты этой мифологии и выступают предметом настоящей главы.

Заблуждение первое: экстраполяция современной демографической динамики на десятилетия вперед и вера в каузальную зависимость между демографическими показателями и миграционными процессами.

Авторы, которые механически переносят сегодняшние темпы прироста населения на отдаленное будущее, игнорируют тот факт, что репродуктивному поведению людей свойственно меняться. Там, где сегодня нормой является 5-7 детей в семье, завтра может утвердиться другая норма⁵. Явление, которое ученые именуют «демографическим переходом»⁶, носит объективный характер. Высокая рождаемость, характеризующая бедные общества с высокой детской смертностью и низкой продолжительностью жизни, сменяется низкой рождаемостью по мере того, как общество достигает определенного

---

⁴ Концепт «политическая мифология» ниже будет употребляться в значении коллективного производства представлений, основанных на ненаучной картине мира. См.: [23],[24]

⁵ Такая норма, кстати, была характерна для России (в деревне и малых городах) еще в 1920-1930-е.

⁶ В новейшей истории их было уже два [28]

уровня социально-экономического развития (и, в частности, когда доля горожан начинает превышать долю сельских жителей) [28],[29].

Заблуждение второе: вера в причинно-следственную связь между объемами населения в регионах с низким уровнем жизни и интенсивностью миграционного оттока из этих регионов. Иными словами, это вера в то, что десятки и даже сотни миллионов людей, страдающих от нищеты и политических турбулентностей в своих странах, в будущем непременно переселятся в более благополучные страны⁷.

Такой взгляд неверен в силу следующих обстоятельств. Это (а) бедность, (б) отсутствие необходимых сетей взаимопомощи и (в) ограничительная иммиграционная политика стран «золотого миллиарда». Остановимся на каждом из этих обстоятельств подробнее.

(а) Для того чтобы индивид мог решиться на переезд в регион, отделенный от места его проживания тысячами километров, необходимы немалые ресурсы: деньги на дорогу, оплата услуг перевозчиков (или контрабандистов, если скоро речь идет о нелегальной миграции), деньги на первое время в стране назначения, пока не найдется работа и т.д. У подавляющего большинства жителей бедных стран таких средств попросту нет.

(б) Как показывают многочисленные исследования, необходимым условием решения человека мигрировать является наличие сети взаимопомощи – круга родственников или знакомых, уже находящихся в стране назначения. Относительно невысокое количество мигрантов с глобального Юга на глобальном Севере объясняется как раз тем, что число пионеров (или, если угодно, квартирьеров) из того или иного района той или иной бедной страны весьма невелико⁸. А без тех, на кого можно опереться и кому можно доверять в чужой стране, миграция невозможна.

Кстати, в методологическом плане оба вышеописанных взгляда представляют собой проявление мальтузианских – или, если угодно, неомальтузианских – взглядов на демографию и экономику⁹.

(в) Не следует преуменьшать результативности усилий стран назначения по сокращению числа нежелательных мигрантов. В распоряжении правительств государств

---

⁷ К числу таких предсказателей принадлежит, в частности, Гуннар Хайнзон – автор, который снискал немалую популярность в России, но академические кредиты которого в международном научном сообществе близки к нулю. См: [30].

⁸ То, что внешнему взгляду представляется манифестацией «африканской» миграции, на деле может оказаться миграцией вполне определенного этнического сообщества. Так, значительная часть африканских торговцев в Европе являются мюридами – представителями религиозного меньшинства из Сенегала, которому благодаря целой цепочке культурно-исторических обстоятельств удалось наладить прочную сеть финансовой взаимопомощи. Начало складывания этой сети восходит к 1880-м годам. См. [31:303-305]

⁹ Критику неомальтузианства см.: [32]

условного Севера немало инструментов по сдерживанию иммиграции. Это и жесткие требования для въездных виз (открываемых в основном для тех, кого считают носителями необходимого «человеческого капитала»), и введение «балльных систем» в оценке претендентов на въезд, опять-таки, нацеленных на строгую селекцию потенциальных переселенцев, и двусторонние договоры с правительствами отдающих государств о реадмиссии – приеме обратно их граждан, попытавшихся перебраться в более благополучную страну в обход действующего закона [33],[34],[35]. Наконец, в последние годы получили широкое распространение двусторонние и многосторонние соглашения по миграционным вопросам, заключаемые между странами Севера и странами Юга [36],[37],[38],[39]. После кризиса беженцев 2015-2016 годов Париж, Берлин и Брюссель заключили целый ряд договоров со странами Африки, суть которых сводится к тому, что правительства последних берут на себя обязательства по сдерживанию эмиграции в обмен на финансовую помощь¹⁰. В качестве примеров можно привести Французско-африканские пакты по миграции [40], а также ряд договоров между ЕС и государствами региона Сахель – так называемые Spanish agreements on cooperation in migration [41].

Заблуждение третье: представление о международной миграции как однонаправленном процессе («Юг»-«Север»).

Примерно 40 % мировых миграционных потоков приходится на потоки в пределах условного Юга. Из 272 млн. мигрантов, насчитывавшихся в мире в 2019 г., около 152 млн. приходилось на развитые регионы и 120 млн. – на «развивающиеся страны». При этом начиная с 2005 года «развивающиеся» страны неизменно опережают «развитые» по приросту мигрантов в относительных величинах (таблица 1).

Таблица 1 - Международные мигранты в развитых и развивающихся странах (млн. чел.).

	2000	2005	2010	2015	2019
Мигранты в развитых странах	104	116,7 (+12,2%)	130,6 (+12%)	140,6 (+7,6%)	152 (+8,1%)
Мигранты в развивающихся странах	69,6	74,9 (+7,6%)	90,2 (+20,4%)	108,2 (19,9%)	119,6 (+10,5%)

Примечание - Источник: составлено авторами на основе данных ООН

¹⁰ Эксперты и гражданские активисты не раз указывали на то, что денежные трансферты из Брюсселя и Берлина правящим группам африканских стран вовсе не служат развитию их социально-экономической инфраструктуры и созданию рабочих мест, а представляют собой, по сути, взятку. Большая часть этих денег оседает в карманах местных правителей, а другая часть идет на строительство «центров содержания» (по сути, тюрем) для задержанных мигрантов.

Речь при этом идет, прежде всего, о трудовой миграции. Люди мигрируют в центры роста, географически находящиеся в относительной близости от места их рождения. Скажем, из Мьянмы и Лаоса в Таиланд, из Ботсваны и Зимбабве в ЮАР, из Нигера и Чада в Нигерию, из Афганистана и Непала – в Саудовскую Аравию и т.д.

Что касается вынужденной миграции, то здесь основное направление потоков вообще не указывает с Юга на Север. Лишь одна шестая часть (~17%) мировых потоков беженцев приходится на индустриально развитые страны условного Севера. Все остальные размещены в странах, соседствующих с точками кризиса (или внутри своих стран в качестве «внутренне перемещенных лиц»). По данным ООН за 2019 год из общего числа в 28,7 млн. беженцев 16 млн. размещены в странах Азии, 7,3 млн. приходится на Африку.

Заблуждение четвертое: представление о миграционной политике стран условного Севера как о благотворительности. В этой оптике европейцы и американцы предстают великодушными филантропами, впускающими к себе сырых и убогих обитателей отсталых регионов планеты. Тем самым, однако, не учитывается *взаимозависимость современного мира*. Принимающие страны столь же нуждаются в отдающих, как те – в отдающих. Для стран условного Севера иммиграционный приток – это средство смягчения последствий старения населения и незаменимый источник работников в целом ряде экономических ниш, принципиально не заполняемых местным населением. Часто звучащее утверждение о том, что эту работу могли бы делать «свои», если бы им достойно платили, не выдерживает критики по двум причинам. Первая – экономическая, и опирается она в конкурентоспособность бизнеса. Вторая связана с развитием человеческого капитала: благодаря тому, что непрестижные рабочие места занимают мигранты, местное население получает возможность приложить свои усилия в более высоко технологичных отраслях экономики [42],[43],[44].

Цифры – особенно цифры, вырванные из контекста и не сопровождаемые аналитическими комментариями – зачастую служат дурную службу. Так, сообщаемые публике журналистами данные об объемах иммиграционного притока в Европу почти неизбежно наводят на мысль о том, что страны Евросоюза в такой мере открыли свои границы внешнему миру, что недалек тот день, когда они окажутся в меньшинстве по отношению к пришельцам с других континентов.

За этими цифрами, однако, не видно того обстоятельства, что *около 50% этих потоков составляют внутривосточные миграции*. (таблица 2)

Таблица 2 - Иммиграция в страны ЕС 2014-2018

	2014	2015	2016	2017	2018
Всего прибыло	3 787 809	4 686 523	4 282 488	4 396 025	4 546 009
Родились в других странах ЕС	34%	29%	30%	30%	27%
Родились в принимающей стране	18%	15%	17%	16%	16%
Родились за пределами ЕС	48%	55%	52%	53%	56%

Примечание - Источник: Eurostat.

От четверти до трети иммиграционного притока в отдельных странах ЕС – это миграции из других стран ЕС. Это хорошо видно на примере Германии. (таблица 3)

Таблица 3 - Иммиграция в Германию 2014-2018

	2014	2015	2016	2017	2018
Всего прибыло	884 893	1 571 047	1 029 852	917 109	893 886
Родились в других странах ЕС	46%	28%	37%	41%	39%
Родились в принимающей стране	7%	4%	7%	10%	13%
Родились за пределами ЕС	47%	65%	53%	49%	48%

Примечание - Источник: Eurostat.

Популярному образу «миграционного цунами», грозящего затопить Европу, противоречит целый ряд фактов.

Факт первый состоит в том, что многим европейским странам свойственны отрицательные показатели естественного прироста населения. Число рождений здесь ниже, чем число смертей; часть государств Европы балансирует на грани нулевого естественного прироста. Существенным образом за счет естественных причин население растет только в Великобритании, Франции и Ирландии (115, 144 и 30 тыс. чел. соответственно). См. таблицу 4.

Таблица 4 - Естественный прирост (тыс.чел.) за 2018 год в ЕС в целом и отдельных странах

ЕС-28	-354.2
Австрия	1.6
Болгария	-46.3
Венгрия	-37.8
Германия	-167
Греция	-33.9
Испания	-56.3
Италия	-193.3
Латвия	-9.5
Литва	-11.4
Польша	-26
Португалия	-26
Румыния	-75.3
Словения	-0.9
Финляндия	-7
Хорватия	-13.5
Чехия	1.1
Эстония	-1.4

Примечание - Источник: Eurostat

Факт второй – отрицательное миграционное сальдо в целом ряде государств ЕС. Это значит, что из них выезжает больше людей, чем в них въезжает. После кризиса 2008 г., в таких европейских странах как Греция, Ирландия, Испания и Португалия число эмигрантов превысило число иммигрантов. Эта тенденция сохранялась вплоть до «миграционного кризиса» 2015.

Так, в Португалии миграционное сальдо последовательно опускалось на протяжении десятилетия – с минус 13 тыс. в 2008 г. до почти минус 50 тыс. в 2013. В среднем страну ежегодно покидало порядка 100 тыс. человек. Положение, по сути, не изменилось и в период «миграционного кризиса»: миграционное сальдо в 2015 и 2016 годах равнялось минус 45 тыс. и минус 34 тыс. чел. соответственно.

Отрицательное миграционное сальдо характерно для большинства стран Восточной Европы. Так, в относительно благополучной Хорватии в 2015 на 10 тыс. прибывших приходилось более 30 тыс. убывших, а в 2016 – на чуть менее 15 тыс. прибывших – более 35 тыс. убывших.

Примечательно, что к числу европейских государств с отрицательным миграционным сальдо относятся не только депрессивные Болгария или Румыния, но – как это ни трудно себе вообразить – относительно благополучная Франция. В 2018 г. число эмигрантов здесь превышало число иммигрантов на 42 тыс. чел (таблица 5).

Таблица 5 - Отрицательное миграционное сальдо в отдельных странах ЕС (тыс. чел.), 2018

Болгария	-3.7
Латвия	-4.9
Литва	-3.3
Румыния	-53.7
Франция	-42.6
Хорватия	-13.5

Примечание - Источник: Eurostat

Интересен кейс Испании. В 2012 г. отсюда эмигрировало 447 тыс. человек, а иммигрировало 304 тыс.; в 2013 на 532 тыс. покинувших страну приходилось 280 тыс. прибывших, а в 2014 – на 400 с лишним тысяч эмигрантов – лишь около 305 тыс. иммигрантов. Таким образом, миграционное сальдо этой страны устойчиво оставалось отрицательным (минус 142 тыс. в 2012, минус 251 тыс. в 2013 и минус 94 тыс. в 2014). Тенденция была переломлена лишь в год «кризиса беженцев» (2015): тогда в Испанию прибыло около 344 тыс., а убыло порядка 342 тыс. (т.е. на две тысячи человек меньше). В следующем 2016 году навстречу притоку иммигрантов и беженцев объемом 417 тыс. чел. шел отток в 328 тыс. эмигрантов (сальдо, таким образом, составило плюс 88 тыс. чел.). Правда, в последние годы устойчивый тренд в сторону значительного преобладания числа въезжающих над числом выезжающих (таблица 6).

Таблица 6 - Иммиграция и эмиграция в Испании (тыс. чел.) 2010 - 2018 гг.

	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Эмигрировало	403	447	532	400	342	327	368	309
Иммигрировало	361	304	281	305	344	415	532	643
Сальдо	-42	-143	-251	-95	+2	+88	+164	+334

Примечание - Источник: Statista

Факт третий: в экономически благополучных странах Европы довольно высокие показатели эмиграции. Это и возвратная миграция, и депортация, и отъезд за границу собственных граждан. Отсюда происходит, что число иммигрантов здесь, кажущееся едва ли не астрономическим в абсолютных цифрах, не является таковым в относительных цифрах. В Великобританию, например, ежегодно въезжает с целью долговременного или постоянного жительства порядка 600 тыс. человек, однако порядка 400 тыс. с теми же целями выезжает. Германия и Швеция, традиционно принимающие значительное число мигрантов (как трудовых, так и вынужденных), столь же традиционно сталкиваются с достаточно высокими показателями убытий на ПМЖ в другие страны, в результате чего их миграционное сальдо оказывается гораздо более скромным, чем может показаться (таблица 7).

Таблица 7 - Миграционное сальдо в ЕС в целом и отдельных странах (тыс. чел.) (2018)

ЕС-28	1456.7
Великобритания	258.3
Швеция	86.3
Германия	394.2
Нидерланды	86.4
Италия	69
Австрия	34.9
Польша	22.1
Венгрия	32.2

Примечание - Источник: Eurostat

Факт четвертый: наряду с притоком людей в относительно богатые страны Европы происходит значительный, пусть и меньший по масштабам, отток людей из Европы на другие континенты. Это хорошо видно на примере уже упомянутой Германии:

в 2014 г. сюда прибыло порядка 75 тыс. жителей различных государств Африки, однако при этом из Германии в направлении Африки убыло 27 тыс. чел. [35:208]. Правда, большинство выбывших в данном случае составляют так называемые возвратные мигранты. Но есть и примеры эмиграции «коренных европейцев» в страны Африки и Азии. Например, немало граждан Португалии ежегодно выезжают в Мозамбик и Макао (бывшие португальские колонии) – там молодые португальцы рассчитывают сделать карьеру, на которую они не могут рассчитывать на родине¹¹.

Из того обстоятельства, что мы пытаемся деконструировать предубеждения, определяющие и легитимирующие антимиграционную политическую повестку, не следует, что тем самым мы стремимся продвинуть «промиграционную» повестку. Иными словами, мы не занимаем какой-либо позиции в идеологическом противостоянии между «мигрантофобами» и «мигрантофилами». Мы лишь демонстрируем неадекватность того набора представлений о глобальных миграциях, который образует каркас политической мифологии, инструментализируемой правопопулистскими партиями и движениями. Такая демонстрация необходима для того, чтобы удержать процессы принятия решений по поводу миграционного регулирования в тиши кабинетов.

---

¹¹ Подробнее см: [45]

3 Демографическая динамика последних лет во Франции

Транснационализм связан с понятиями трансграничных связей, отношений и практики. Говоря о миграции, наличие связей сразу с несколькими местами или ощущение «нахождения везде и нигде» всегда было характерной особенностью опыта мигрантов. Транснациональный уклад жизни, разделенной между несколькими местами, означает, что связи и взаимодействие по разные стороны границ являются обыденной и устойчивой частью реальности и деятельности мигрантов. Эти связи принимают форму идей, ценностей и практик, а также политической деятельности и экономических операций.

Понятие транснационализма используется здесь с целью рассмотрения миграции под иным углом, поскольку оно позволяет акцентировать внимание на *связях* между странами, которые выстраиваются диаспорами и мигрантами. Таким образом, оно облегчит анализ более объемных вопросов, касающихся миграции и социальных изменений. Транснационализм усиливает трансграничные связи между людьми, общинами и обществами, изменяя социальную, культурную, экономическую и политическую структуру обществ страны происхождения и страны пребывания мигрантов. Трансграничные связи между обществами, созданные миграцией, требуют от государств выработки и реализации адекватных общеполитических мер. Это обусловлено двумя факторами: во-первых, миграционная политика, которая вписывается в транснациональный контекст, обычно имеет характеристики, выходящие за национальные рамки, в которых она, прежде всего, должна применяться. Во-вторых, успех или провал такой политики зависит, однако всегда в разной степени, от реальности, которая имеется по другую сторону границы.

Силы глобализации и их воздействие на мобильность все чаще приводят к рассмотрению миграции в аспекте транснационализма. Сегодня гораздо легче, чем когда бы то ни было, быть связанным с несколькими реальностями, которые существуют за пределами национальных границ. Ускоренное развитие коммуникационных, транспортных, торговых и информационных сетей в условиях глобализации способствовало укреплению связей мигрантов с несколькими местами. Модели миграции также изменились: в настоящее время миграция является краткосрочной или долгосрочной, временной или постоянной или состоит из серии переездов с несколькими этапами, включая возвращение на родину. При «цепной миграции» мигранты из определенного региона или города в одной стране перемещаются преимущественно в определенный регион или город в другой стране, часто с помощью сетей. Хотя это и не новое явление, но оно является каналом транснационализма. В результате этих изменений

мигранты могут получать образование в одной стране, работать и воспитывать своих детей в другой, а затем выходить на пенсию в третьей стране. При этом данная модель является достаточно вариативной.

В настоящем разделе рассматриваются два аспекта миграционного транснационализма во Франции: описание основных характеристик этого явления и анализ его экономического влияния. Характеристика иммигрантов во Франции будет сфокусирована на четырех аспектах: демография, местонахождение, рынок труда и проблема дискриминации.

По оценке Национального института статистики и экономических исследований, на 1 января 2016 г. на территории французской метрополии проживало 4,45 миллиона иностранцев. Что на тот момент составляло 6,7 % населения. Кроме того, количество иммигрантов составило 6,23 миллиона человек, что соответствует 9,4 % населения (рисунок 2).

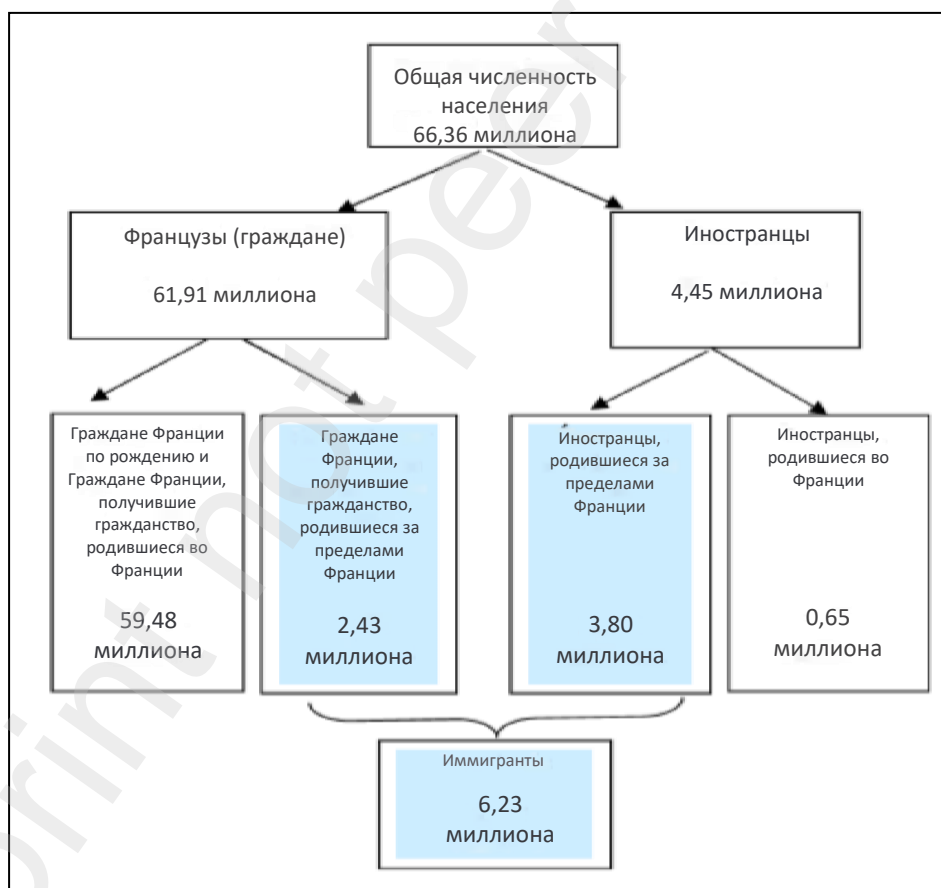

Рисунок 2 - Иммигранты и иностранцы. Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, перепись населения 2016 года, основная выборка¹².

Национальный институт статистики и экономических исследований использует термин «иммигрант» для обозначения людей, родившихся за пределами Франции и

¹² Примечание. В результате округлений суммарная численность иностранцев в зависимости от места рождения не равна общей численности иностранцев.

имеющих при рождении гражданство другой страны. Категория «Граждане Франции по рождению» включает 1,73 миллиона французов, родившихся в других странах. Категория «Иностранцы» включает около 0,65 миллионов иностранцев, родившихся во Франции, которые в большинстве своем являются несовершеннолетними, имеющими возможность получить французское гражданство до наступления совершеннолетия. В соответствии с определением они не являются иммигрантами. Разницу между иммигрантами и иностранцами составляют в основном люди, получившие французское гражданство. Распределение между французскими и иностранными иммигрантами варьируется по происхождению в зависимости от возраста, истории миграции и несколько более выраженной тенденции к обращению за гражданством среди иммигрантов из третьих стран.

Все население можно разделить на три подкатегории: иммигранты, люди, родившиеся во Франции, и граждане Франции по рождению, родившиеся за границей. Для каждой из этих групп населения метод демографического баланса позволяет оценить их миграционный прирост (таблицы 8 и 9, рисунок 3).

Таблица 8 - Население, приток и отток населения по месту рождения или гражданству (в тыс. чел.)

	Всего	Не иммигранты		Иммигранты
		Родившиеся во Франции	Французы, родившиеся за границей	
Население на 1 января 2016 г.	66 603	58 578	1 733	6 291
Прибывшие в 2015 г.	364	89	21	253
Уехавшие в 2015 г.	323	243	14	66
Миграционный прирост в 2015 г.	41	-154	7	188

Примечание - Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, оценки численности, притока и оттока населения.

Таблица 9 - Доля иностранцев в населении Франции в сопоставлении с другими европейскими странами

	Общая численность населения на 1 января		Активное население ¹	
	Иностранцы ² в тыс. чел.	Доля в %	Иностранцы ² в тыс. чел.	Доля в %
Германия	7 012	8,7	4 025	9,8
Австрия	1 057	12,4	586	13,7
Бельгия	1 264	11,3	529	10,7
Болгария	54	0,8	5	0,2
Кипр	159	18,6	81	19,0
Хорватия	32	0,7	4	0,2
Дания	397	7,1	239	8,4
Испания	4 677	10,1	2 804	12,3
Эстония	195	14,8	96	14,9
Финляндия	207	3,8	88	3,3
Франция³	(р) 4 157	6,3	1 728	5,9
Греция	855	7,8	398	8,4
Венгрия	140	1,4	27	0,6
Ирландия	(р) 546	11,8	326	15,5
Италия	4 922	8,1	2 741	10,9
Латвия	305	15,2	127	13,1
Литва	22	0,7	8	0,5
Люксембург	249	45,3	134	51,8
Мальта	25	5,9	10	5,0
Нидерланды	735	4,4	361	4,2
Польша	(р) 101	0,3	42	0,2
Португалия	401	3,8	137	2,8
Чешская Республика	435	4,1	104	2,0
Румыния ⁴	73	0,4	10	0,1
Великобритания	5 048	7,8	3 102	9,8
Словакия	59	1,1	7	0,2
Словения	97	4,7	31	3,2
Швеция	687	7,1	328	6,5

Источник: Евростат.

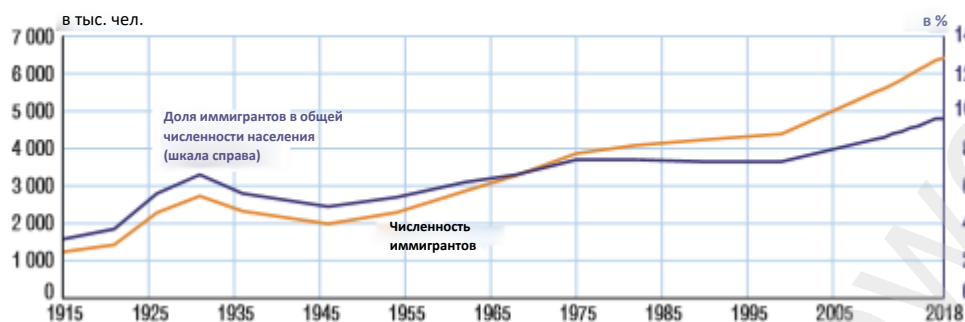

Рисунок 3 - Численность иммигрантов и их доля в общей численности населения. Территория: Французская метрополия до 1990 г., Франция, за исключением Майотты с 1999 г. Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, перепись населения и оценки численности¹³.

Разделение по статусу активности связано со временем возникновения волн миграции. Испанцы и итальянцы часто относятся к старшему поколению и находятся на пенсии. Португальцы относятся к более молодому поколению и входят в группу активного населения. Их доля в группе работающего населения очень велика, при этом среди студентов их мало. Выходцы из неевропейских стран реже относятся к работающему населению, чем другие жители Франции. Доля выходцев из стран Магриба и Турции в группе работающего населения мала. При этом их доля среди безработных достаточно высока. Аналогичная ситуация наблюдается с теми, кто не относится к активному населению, но не является пенсионером (например, домохозяйки). Разница между странами происхождения мигрантов обусловлена низкой долей пенсионеров для более поздних направлений миграции (другие страны Африки или Азии), а также высокой долей студентов: речь идет о молодом населении (таблицы 10 и 11).

Таблица 10 - Распределение по статусу активности и гражданству лиц в возрасте от 15 лет и старше (в %).

	Студенты	Работающие	Безработные	Различные группы неактивного населения (домохозяйки и т.д.)	Пенсионеры	Всего
Граждане Франции по рождению	8,4	49,8	7,3	6,4	28,1	100,0
Граждане Франции, получившие гражданство	5,6	49,6	11,3	10,8	22,7	100,0
Всего выходцев из Франции	8,2	49,8	7,5	6,7	27,8	100,0

¹³ Предварительные данные за 2017 и 2018 гг.

Продолжение таблицы 10

	Студенты	Работающие	Безработные	Различные группы неактивного населения (домохозяйки и т.д.)	Пенсионеры	Всего
Португальцы	3,4	56,6	7,2	7,5	25,3	100,0
Итальянцы	5,8	39,3	8,0	9,3	37,6	100,0
Испанцы	5,0	43,7	8,9	9,0	33,4	100,0
Граждане других стран ЕС, состоящего из 28 государств	6,0	50,9	9,4	11,9	21,8	100,0
Всего выходцев из стран ЕС, состоящего из 28 государств (кроме Франции)	4,9	50,7	8,4	9,7	26,3	100,0
Алжирцы	3,3	30,2	18,2	23,5	24,8	100,0
Марокканцы	5,6	32,7	17,3	26,1	18,3	100,0
Тунисцы	4,4	39,7	21,1	21,0	13,8	100,0
Граждане других стран Африки	10,0	47,2	21,3	17,0	4,5	100,0
Всего выходцев из стран Африки	6,3	37,5	19,3	21,8	15,1	100,0
Турки	4,1	35,3	16,5	32,0	12,1	100,0
Граждане других стран	11,4	41,1	17,2	22,8	7,5	100,0
Всего выходцев из других стран	10,0	40,1	17,0	24,5	8,4	100,0
Общая численность населения в возрасте 15 лет и старше	8,1	49,4	8,0	7,4	27,1	100,0

Примечание - Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, перепись населения 2016 года, основная выборка.

Таблица 11 - Уровень образования иммигрантов, прибывших во Францию в 2012 г.

Страна рождения	Без образования	Аттестат о среднем образовании, свидетельство о профессиональной подготовке (CAP) или диплом о профессионально-техническом образовании (BEP)	Бакалавриат или аналогичный уровень	Более высокий уровень
Всего	27	10	24	39
Европа	24	11	25	40
<i>Португалия</i>	56	17	13	14
<i>Соединенное Королевство</i>	17	7	26	50
<i>Испания</i>	15	7	22	56
<i>Италия</i>	9	9	27	55
<i>Германия</i>	9	12	38	41
<i>Румыния</i>	28	15	22	35
<i>Бельгия</i>	19	10	27	44
<i>Россия</i>	25	5	19	51
<i>Швейцария</i>	15	16	30	39
<i>Польша</i>	18	12	29	41
АФРИКА	35	12	24	29
<i>Марокко</i>	35	10	32	23
<i>Алжир</i>	37	13	17	33
<i>Тунис</i>	26	13	25	36
Азия	23	6	23	48
<i>Китай</i>	11	3	25	61
<i>Турция</i>	57	11	18	14
Америка, Океания	16	5	23	56
Соединенные Штаты	6	4	18	72
Бразилия	26	6	23	45

Примечание - Выборка: Франция, кроме лиц моложе 16 лет.

Национальный институт статистики и экономических исследований, ежегодное исследование состава населения за 2013 г.

С начала 2006 года и до 2014 г. население, численность населения, проживающего во Франции, выросла на 2,6 миллиона человек, таким образом, прирост, в среднем, составил 0,5 % в год. Такая динамика обусловлена преимущественно естественным приростом населения: его численность увеличилась за указанный период на +2,2 миллиона человек (родилось 6,5 миллиона человек, умерло 4,3 миллиона человек). Что касается совокупного миграционного прироста, он составил +400 000 человек; он рассчитывается как разница между 2,5 миллиона прибывших (или вернувшихся) во Францию и 2,1 миллиона человек, покинувших территорию страны. За период с 2006 по 2014 гг. численность населения, являющегося французскими гражданами, увеличилось на

2,1 миллиона человек, а численность иностранных граждан на 500 000 человек. Рост численности населения, являющегося французскими гражданами, обусловлен естественным приростом в размере 1,9 миллиона человек, отрицательным миграционным приростом в размере 900 000 человек и 1,0 миллионом человек, получивших французское гражданство. За указанный период количество людей, получивших французское гражданство, сократилось с 147 000 человек в 2006 г. до 97 000 человек в 2013 г. При этом, однако, ежегодно с 2006 года количество французских граждан, которые покидают территорию страны, примерно в два раза выше, чем количество приезжающих в страну французских граждан. Здесь речь может идти о французских гражданах по рождению, которые родились во Франции или за границей, или об иммигрантах, получивших французское гражданство. Изменение численности иммигрантов не влияют случаи получения гражданства, поскольку оно рассчитывается с учетом гражданства при рождении. Увеличение их численности на 700 000 человек за период с 2006 по 2014 гг., по логике, главным образом связано с миграционными потоками: 1,6 миллиона иммигрантов прибыло во Францию, из них 500 000 покинуло страну, а 400 000 умерло во Франции. Доля иммигрантов в общей численности населения увеличилась с 8,1 % в 2006 г. до 8,9 % в начале 2014 г. (таблицы 12 и 13).

Таблица 12 - Изменение численности населения с 2006 по 2014 гг. (в тыс. чел.).

	Всего	Родившиеся во Франции	Французские граждане	Родившиеся за границей	Иностранные граждане*	Иммигранты*
Население на 1 января 2014 г.	65 801	58 183	61 621	7 618	4 180	5 868
Население на 1 января 2006 г.	63 186	56 280	59 538	6 906	3 648	5 137
Изменение численности населения с 2006 по 2014 гг.	2 615	1 903	2 083	712	532	731
Естественный прирост* с 2006 по 2014 гг.	2 205	2 752	1 936	-547	269	-413
Миграционный прирост* с 2006 по 2014 гг.	410	-849	-857	1 259	1 267	1 144
Случаи приобретения французского гражданства	-	-	1 004	-	-1 004	-

Примечание - Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, оценки численности населения.

Таблица 13 - Основания выдачи первого вида на жительство за период с 2012 по 2017 гг.

Основания выдачи вида на жительство	2012	2013	2014	2015	2016 окончательные данные	2017 расчетные данные	2017/ 2016
А. Экономические	16 013	17 800	19 054	20 628	22 982	27 690	+20,5 %
В. Семейные	87 170	93 714	92 326	90 113	89 124	91 070	+2,2 %
С. Студенты	58 857	62 815	64 996	70 023	73 644	88 095	+19,6 %
Д. Прочие	12 624	13 148	13 742	13 866	14 741	14 840	+0,7 %
Е. Гуманитарные	18 456	17 916	20 822	22 903	29 862	40 305	+35,0 %
Всего	193 120	205 393	210 940	217 533	230 353	262 000	+13,7 %

Примечание - Источник: Приложение для управления документами иностранных граждан, находящихся во Франции (AGDREF) / Управление статистики, экономических и демографических исследований (DSED).

Половина людей, прибывших в страну в 2016 г., так же как и в 2017 г., родились во Франции или в других странах Европы. С 2006 по 2010 гг. численность прибывших примерно одинакова и составляет около 300 000 человек. Затем данный показатель начал увеличиваться и, согласно данным последнего ежегодного исследования численности населения, достиг 370 000 человек в 2017 г. Такое увеличение обусловлено главным образом увеличением количества прибывших иммигрантов (с 193 000 до 262 000 человек за одиннадцать лет). Для сравнения, количество прибывших не-иммигрантов отличалось в этот период большей стабильностью (108 000 в 2006 г и в 2017 г.).

Среди иммигрантов, прибывших во Францию в 2017 г., 36 % родились в странах Африки, 35 % в Европе, 18 % в Азии и 11 % в Америке или Океании. Среди не-иммигрантов, прибывших во Францию в 2017 г., четыре из пяти родились во Франции, а один из пяти является французским гражданином по рождению, который родился за границей. Суммарно половина из вновь прибывших родились во Франции или являются иммигрантами, родившимися в Европе. Исходящие иммиграционные потоки отличаются достаточной стабильностью и незначительностью в сравнении с входящими потоками. В период с 2006 по 2015 гг. в среднем на четырех въезжающих иммигрантов приходится один уезжающий. Здесь речь идет главным образом об иностранных студентах, которые уезжают из Франции по окончании учебы, о выездах по окончании нескольких лет работы, а также о случаях возвращения в страну при выходе на пенсию. И напротив, один не-иммигрант возвращается или приезжает во Францию, а два уезжают из страны. Таким образом, в период с 2006 по 2015 гг. количество уехавших не-иммигрантов возросло с 160 000 до 257 000 человек. В целом миграционный прирост иммигрантов несколько упал в период с 2006 (+164 000) по 2009 гг. (+133 000), а затем к 2015 г. увеличился до

+188 000 человек. Миграционный прирост снизился в период с 2006 г. (-52 000) по 2011 гг. (-131 000), а замет к 2013 г. несколько возрос (-87 000); в 2014 и 2015 гг. наблюдается падение (-165 000 и -147 000 человек соответственно), обусловленное увеличением количества отъездов.

Как среди иммигрантов, так и среди иностранцев около трети из них родились в странах ЕС, а четыре из десяти — в странах Африки. Иммигранты и иностранцы из других стран составляют 25 %. Такая пропорция наглядно показывает диверсификацию стран, являющихся поставщиками мигрантов во Францию в 2016 г. (таблица 14 и рисунок 4).

Таблица 14 - Количество иммигрантов по стране рождения и иностранцев по стране гражданства

Происхождение или гражданство	Количество иммигрантов	%	Количество иностранцев	%
Португалия, Италия, Испания	1 157 000	18,6	898 000	20,2
Другие страны ЕС	744 000	11,9	625 000	14,1
Всего из ЕС	1 901 000	30,5	1 523 000	34,3
Алжир, Марокко, Тунис	1 839 000	29,5	1 149 000	25,8
Другие страны Африки	931 000	15,0	663 000	14,9
Всего из Африки	2 770 000	44,5	1 812 000	40,7
Турция	247 000	4,0	213 000	4,8
Другие страны	1 309 000	21,0	898 000	20,2
Всего из других стран	1 556 000	25,0	1 111 000	25,0
Всего	6 227 000	100,0	4 446 000	100,0

Примечание - численность округлена до тысяч.

Территория: Франция, за исключением Майотты.

Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, перепись населения 2016 года, основная выборка.

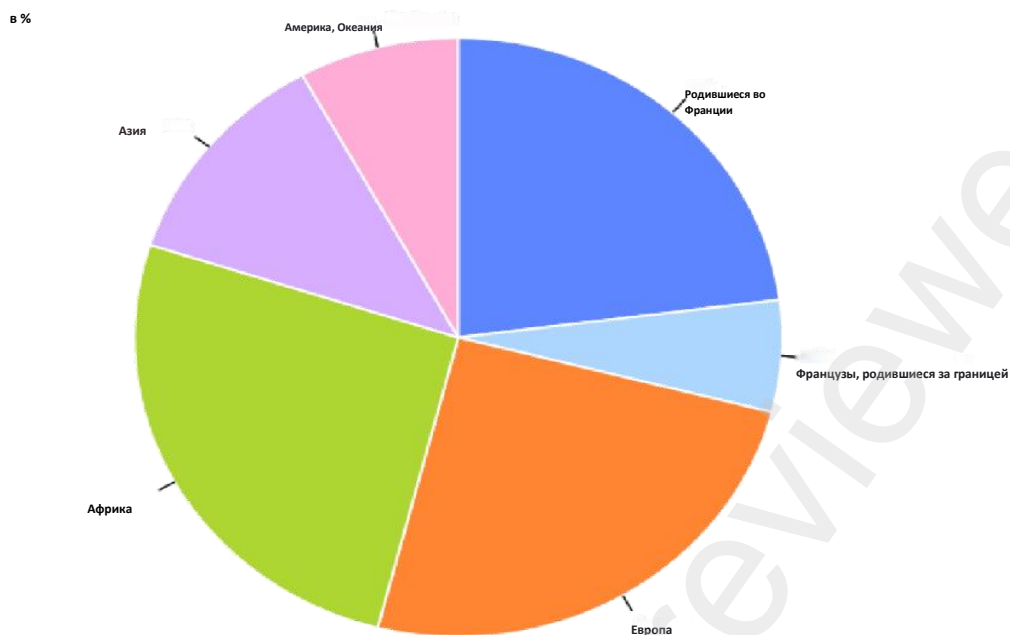

Рисунок 4 - Место рождения людей, приехавших во Францию в 2017 г. Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, ежегодное исследование численности населения за 2018 г.

Половина людей, прибывших в страну в 2016 г., так же как и в 2017 г., родились во Франции или в других странах Европы. С 2006 по 2010 гг. численность прибывших примерно одинакова и составляет около 300 000 человек. Затем данный показатель начал увеличиваться и, согласно данным последнего ежегодного исследования численности населения, достиг 370 000 человек в 2017 г. Такое увеличение обусловлено главным образом увеличением количества прибывших иммигрантов (с 193 000 до 262 000 человек за одиннадцать лет). Для сравнения, количество прибывших не-иммигрантов отличалось в этот период большей стабильностью (108 000 в 2006 г и в 2017 г.) (рисунок 5).

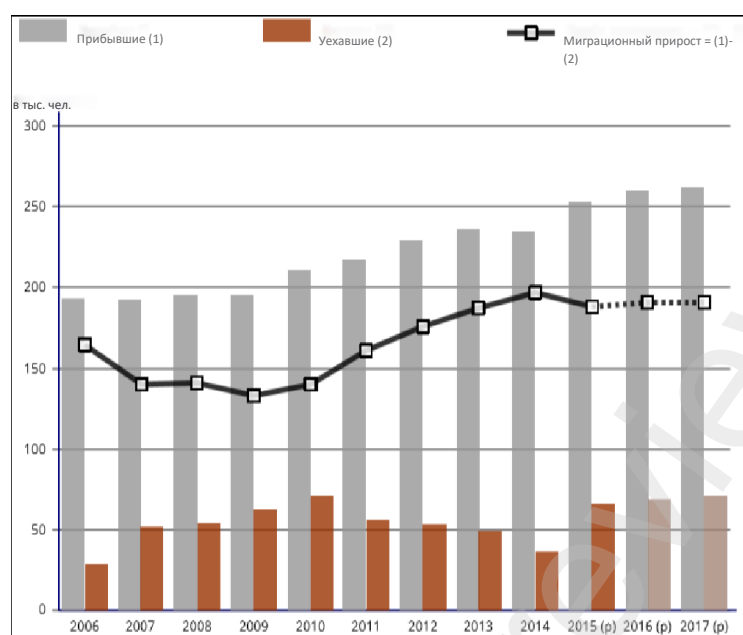

Рисунок 5 - Миграционные потоки и прирост. Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, оценки численности, притока и оттока населения

Оценка миграционного прироста, притока и оттока населения Исследование численности населения позволяет получить данные о том, сколько человек проживает во Франции на 1 января, в настоящее время до 1 января 2016 г. Численность населения за последующие годы является расчетной. В 2018 г. анкета исследования численности была обновлена с целью улучшить качество данных о местах проживания лиц, которые проживают в нескольких местах, в частности детей родителей, которые не проживают совместно. Была внесена корректировка для учета обновления анкеты и расчета изменений, касающихся населения, которых не коснулись изменения в анкете. Детальное пояснение приведено в технической записке Национального института статистики и экономических исследований за 2019 г. Данные службы записи актов гражданского состояния позволяют посчитать количество рождений и смертей на территории Франции до 2017 г. Расчет миграционного прироста рассчитывается косвенно, как разница между оценкой численности населения в период между двумя последовательными переписями и значением естественного прироста за год согласно данным службы записи актов гражданского состояния. Для расчета миграционного прироста за 2015 г. убирается корректировка, что дает возможность сравнивать уровни численности населения в 2015 и в 2016 гг. Данные оценки такого миграционного прироста могут повторять колебания, связанные с въездом и выездом, а также содержать погрешности исследования численности населения. Поскольку корректировка за 2015 г. носит предварительный характер (ее значение будет обновлено по результатам ежегодного исследования

численности населения за 2019 г.), значение миграционного прироста за 2015 г. также является предварительным. Миграционный прирост за 2016 г. условно рассчитывается как среднее арифметическое трех последних значений миграционного прироста (+58 000); он переносится на 2017 г. Ежегодные исследования численности населения позволяют получить данные о количестве въездов на французскую территорию по году прибытия во Францию и по предыдущему месту жительства. Количество выездов соответствует разнице между значением миграционного прироста и вышеуказанным количеством въездов. Полученное значение выездов включает погрешности при расчете значения миграционного прироста, а также погрешности при оценке количества въездов. Данные о приросте доступны за период до 2017 г.; их расчет является окончательным. Данные о выезде за 2015 г. являются предварительными, данные за 2016 и 2017 гг. считаются условными.

Иммиграция для Франции — явление не новое: в начале 20-го века на территории французской метрополии проживало 1,1 миллиона иммигрантов; в 1954 г. их было 2,3 миллиона, а в 1975 г. — 3,9 миллиона. В период с 1975 г. по 1999 г. численность иммигрантов умеренно растет, а его доля в общей численности населения остается стабильной (7,4 % в 1975 г., 7,3 % в 1999 г.). С 1999 г. вновь начался ее рост (таблицы 15 и 16).

Таблица 15 - География происхождения иммигрантов в 2018 г. и динамика в период с 2008 по 2018 гг..

	2018				Динамика в период с 2008 по 2018 гг.		
	Численность (в тыс. чел.)	Распределение иммигрантов (в %)	Доля лиц в возрасте до 30 лет (в %)	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше (в %)	Численность (среднегодовое значение в %)	Доля лиц в возрасте младше 30 лет (в пунктах)	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше (в пунктах)
Европа	2 172	33,8	18,1	37,9	0,7	4,3	0,1
Испания	241	3,8	16,1	55,6	-0,7	11,2	-0,3
Италия	278	4,3	16,9	60,0	-1,3	12,7	-5,9
Португалия	596	9,3	10,9	38,3	0,3	1,5	11,7
Другие страны ЕС	736	11,5	18,8	32,4	1,1	-1,2	-0,3
Другие страны Европы	321	5,0	32,8	-17,4	4,1	0,9	-3,4
Африка	2 922	45,5	18,3	22,3	2,5	-3,2	3,7
Алжир	842	13,1	14,3	28,4	1,7	-2,1	0,9
Марокко	775	12,1	13,8	25,7	1,7	-7,1	7,9
Тунис	287	4,5	13,9	30,0	2,0	-1,8	5,0
Другие страны Африки	1 018	15,9	26,2	12,4	4,3	-3,3	4,9

Продолжение таблицы 15

	2018				Динамика в период с 2008 по 2018 гг.		
	Численность (в тыс. чел.)	Распределение иммигрантов (в %)	Доля лиц в возрасте до 30 лет (в %)	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше (в %)	Численность (среднегодовое значение в %)	Доля лиц в возрасте младше 30 лет (в пунктах)	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше (в пунктах)
Азия	939	14,6	20,4	18,2	22	-5,6	6,1
Турция	243	3,8	12,7	17,3	0,2	-13,3	6,5
Камбоджа, Лаос, Вьетнам	155	2,4	11,3	36,4	-0,5	-2,7	15,9
Китай	107	1,7	30,3	9,2	2,9	-14,4	3,8
Другие страны Азии	432	6,7	25,5	14,3	4,6	-2,2	4,2
Америка, Океания	388	6,0	28,1	14,6	3,2	-7,3	5,1
Всего	6 420	100,0	19,1	26,5	1,9	-0,8	2,0

Примечание - Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, перепись населения 2008 г., расчетная численность населения за 2018 г. (предварительные данные).

Таблица 16 - География происхождения потомков иммигрантов в 2018 г. и динамика в период с 2008 по 2018 гг.

	2018			Динамика численности за период с 2008 по 2018 гг. (среднегодовое значение в %)
	Численность (в тыс. чел.)	Распределение потомков (в %)	Доля лиц в возрасте моложе 30 лет (в %)	
Европа	3 142	42,0	26,0	-0,4
Испания	539	7,2	14,22	-0,3
Италия	845	11,3	8,6	-0,8
Португалия	669	8,9	45,3	0,0
Другие страны ЕС	852	11,4	31,1	-0,9
Другие страны Европы	238	3,2	42,9	2,7
Африка	3 305	44,2	69,9	4,1
Алжир	1 152	15,4	56,4	3,1
Марокко	922	12,3	72,5	4,6
Тунис	342	4,6	64,0	3,5
Другие страны Африки	890	11,9	86,8	5,3
Азия	721	9,6	77,7	2,8
Турция	295	3,9	79,7	3,7
Камбоджа, Лаос, Вьетнам	154	2,1	67,7	0,8
Китай	32	0,4	66,1	4,0
Другие страны Азии	241	3,2	83,0	2,9
Америка, Океания	310	4,1	80,4	7,1
Всего	7 478	100,0	52,6	1,9

Примечание - Источник: Национальный институт статистики и экономических исследований, исследования занятости населения за 2008 и 2018 гг.

В 2018 г. четыре из десяти иммигрантов, находящихся во Франции, приобрели французское гражданство. В 2018 г. 50 % иммигрантов женщины, а в 1968 г. данный показатель составлял 44 %. До середины 1970-х годов миграционные потоки формировались преимущественно мужчинами, которые удовлетворяли потребности в рабочей силе, необходимой в период послевоенного восстановления, а затем в эпоху «Славного тридцатилетия». С того времени доля женщин растет, при этом не только в рамках воссоединения семей. С середины 1980-х годов среди причин миграции женщин не только семейный фактор, это также, например, поиск работы в соответствии с дипломом или продолжение обучения. Среди иммигрантов, прибывших в 2017 г. женщины составляют большую часть (52 %), в особенности среди иммигрантов родом из стран Юго-Восточной Азии и Китая (66 %), Алжира (58 %), Марокко (56 %) и стран Европы, не входящих в Европейский союз (55 %). По состоянию на 2018 г. 46 % иммигрантов, то есть 2,9 миллиона человек, родились в странах Африки (рисунок 4). 1,9 миллиона, то есть 30 % иммигрантов родились в странах Магриба. Данная пропорция сохраняется без изменений с 1980-х годов. В период с 2008 по 2018 гг. численность иммигрантов, родившихся в Африке, увеличивалась в среднем на 2,5 % в год. Данный рост был более сильным для стран Африки, не относящихся к странам Магриба (4,3 %). 34 % иммигрантов родились в Европе, при этом в 1975 г. данный показатель составлял 66 %. Снижение данного показателя объясняется, в частности, уменьшением количества иммигрантов из Испании, Италии и Португалии по причине смерти или возвращения на родину. География происхождения иммигрантов из европейских стран все более ширится, при этом все большую долю иммигрантов составляют выходцы из стран Европы, не входящих в состав Европейского союза. Наконец, 15 % иммигрантов являются выходцами из Азии. В течение последних десяти лет усилилась миграция из Китая и стран Среднего Востока.

Потомки иммигрантов, родившиеся во Франции, сами не сталкивались с миграцией. По состоянию на 2018 г. 7,5 миллиона потомков иммигрантов проживают во Франции, за исключением Майотты, что соответствует 11,2 % общей численности населения. Половина потомков иммигрантов родились во Франции от родителей, оба из которых являются иммигрантами. В 8 случаях из 10 оба родителя-иммигранта являются выходцами из одной страны. По состоянию на 2018 г. возраст 53 % потомков иммигрантов составляет менее тридцати лет. Страна происхождения потомков иммигрантов, а также их возраст зависит от времени формирования волн миграции во Францию. 42 % потомков иммигрантов являются выходцами из стран Европы. Потомки родителя-иммигранта из Испании или Италии составляют 19 % от общей численности и

относятся к гораздо более старшей возрастной группе, учитывая большую временную удаленность иммиграции из этих двух стран. 32 % иммигрантов являются выходцами из стран Магриба; при этом среди них два человека из трех моложе тридцати лет. В период с 2008 по 2018 гг. численность потомков иммигрантов родом из Африки увеличивалась ежегодно на 4,1 % (на 5,3 % для стран Африки, не относящихся к странам Магриба) и в 2018 г. достигла 44 % от общей численности потомков иммигрантов. Недавняя волна иммиграции из стран Африки обуславливает тот факт, что 70 % потомков мигрантов моложе тридцати лет.

В настоящее время женщины составляют большинство среди иммигрантов во Франции. Вопреки тому, что можно подумать, феминизация иммигрантов обусловлена не только воссоединением семей. Женщины все чаще иммигрируют самостоятельно в поисках работы или в целях получения образования [45].

Во французской метрополии в течение нескольких последних лет иммигрантами, то есть людьми, родившимися за границей, являются преимущественно женщины. Доля женщин среди этой группы населения всегда была высокой: в 1931 г., когда их численность была в пропорциональном отношении наименьшей, они уже тогда составляли 40 % иммигрантов. В начале 20-го века соотношение было практически равным (47 % в 1911 г.), и только на рубеже 21-го века они стали большинством (51 % в 2008 г.). Динамика не была поступательной. Доля женщин среди иммигрантов за последнее столетие колебалась в зависимости от экономических условий и миграционной политики. Можно выделить четыре периода.

1). С 1911 по 1931 гг. доля женщин снижается с 47 % до 40 %, а общая численность иммигрантов значительно возрастает. После Первой мировой войны организации работодателей нанимали работников за границей, чтобы обеспечить восстановление страны, и нанимали в основном мужчин. Экономический кризис 1930-х годов положил конец привлечению этой рабочей силы.

2). Ситуация меняется на противоположную в период с 1931 по 1946 гг. В этот период количество иммигрантов снизилось с 2,7 до 2,0 миллионов человек, а доля женщин среди них увеличилась с 40 % до 45 %. Под влиянием кризиса были приняты меры по сокращению численности иммигрантов: квоты для иностранцев, ограничения на выдачу вида на жительство, ограничения правоспособности лиц, принятых в гражданство, выдворение из страны. Неженатые мужчины, очевидно, покинули страну чаще, чем те, к которым уже присоединились их родственники, в то время, когда Франция терпимо относилась к семейной миграции, хотя в стране так и не была предусмотрено право на воссоединение семьи.

3). После Второй мировой войны доля женщин вновь сократилась, в то время как число иммигрантов возросло. Нехватка рабочих рук привела к возобновлению найма работников за границей. Но, в отличие от предыдущего, этот очередной период восстановления в меньшей степени был ориентирован на привлечение мужчин. В период с 1954 по 1975 гг. доля женщин оставалась стабильной на уровне около 44 %.

4). Нефтяной шок 1973 г. меняет ситуацию. Впервые с начала 20-го века доля женщин увеличивается вместе с численностью иммигрантов. В связи с экономическим кризисом и «приостановкой трудовой иммиграции», решение о которой было принято в июле 1974 г., многие иностранные работники уехали (доля уехавших неизвестна по причине отсутствия мер). В то же время признание права на воссоединение семьи способствует приезду в страну жен иммигрантов. В целом, похоже, что наблюдается та же самая закономерность: когда наступает экономический кризис, трудовая иммиграция сокращается, часть работников уезжает, а к другим приезжают их семьи. Таким образом, эти две тенденции автоматически увеличивают долю женщин. Аналогичное явление можно наблюдать в Соединенных Штатах, где женщины стали большинством в иммиграционных потоках еще в 1930-х годах в результате жесткой ограничительной политики квот с учетом национального происхождения. Эти периоды феминизации меняют структуру иммигрантское население, делая его более семейным и устойчивым. До середины 1970-х гг. часть (численность не определена) трудовой миграции строилась на модели «нории»: иммиграция проходила по схеме «туда-обратно»; молодые люди из одной деревни эмигрировали друг за другом, а затем возвращались домой, чтобы создать семью или воссоединиться со своими родными. Блокируя это движение, пограничный контроль способствовал более длительному пребыванию во Франции и, кроме того, развитию семейной миграции и появлению «второго поколения» иммигрантов.

Исторически сложилось так, что в период доминирования трудовой миграции доля женщин среди иммигрантов сильно зависела от срока зарождения миграционных потоков. Например, на рубеже 1970-х годов испанцы и итальянцы — старый иммиграционный поток — уже имели сбалансированное гендерное распределение: 51% женщин по данным опроса «Траектории и происхождение» (*Trajectoires et Origines*). В тот же период выходцы из стран Магриба (алжирцы, марокканцы и тунисцы), которые последнее иммигрировали во Францию, были в основном мужчинами (77 % въехавших в страну в период с 1966 по 1974 гг.). С прекращением трудовой иммиграции быстро появилась тенденция к росту доли женщин: в период с 1975 по 1983 гг. женщины составляли 61 % вновь прибывших, а затем постепенно соотношение уравнивалось (48 % женщин после 1998 г.).

Доля женщин также зависит от обстоятельств миграции. Среди тех, кто получил политическое убежище, доля мужчин и женщин практически одинакова, как это было в начале 1980-х годов среди беженцев из Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Камбоджа). Важную роль играют также социальные структуры страны происхождения. В странах Сахеля семьи обычно практикуют проживание на несколько домов: мужья, жены и дети могут жить в разных домах. Такая привычка «оставаться семьей на расстоянии» прослеживается в процессе миграции и способствует более позднему воссоединению семей среди иммигрантов из стран Сахеля. Наконец, еще одним важным фактором является положение женщин, которое влияет на их способность мигрировать в одиночку, вне процесса воссоединения семьи.

Рост женской миграции обусловлен не только воссоединением семей. Исследование ТеО [46] показывает, что наибольшая доля женщин в миграционных потоках, которые характеризуются большим числом «автономных» отъездов незамужних женщин или, в меньшей степени, женщин, уезжающих из страны происхождения раньше своего супруга. Например, женщины, иммигрировавшие из стран Центральной Африки или Гвинейского залива (Кот-д'Ивуар, Камерун, Демократическая Республика Конго и т.д.) имеют рекордные показатели как по соотношению с мужчинами (57 % женщин), так и по уровню автономии (53 % незамужних женщин или женщин, которые первыми покидают страну происхождения). В то же время турецкая миграция, которая представлена наименьшим количеством женщин, также характеризуется наименьшим числом женщин, «автономно» въезжающих во Францию. Фактически, за последние несколько десятилетий во Франции наблюдается заметное сближение миграционных профилей мужчин и женщин (рисунок 5). Если до 1974 г. доля женщин в общей численности иммигрантов, прибывших без супругов, составляла лишь 16 %, то в 1998 г. этот показатель достиг 42 %. В то же время доля женщин среди иммигрантов, не состоящих в браке, увеличилась с 23 % до 47 %. Как следствие, «вторичная» миграция, которая генерируется в процессе воссоединения с супругом, находящимся во Франции, независимо от того, является ли он иностранцем (воссоединение семьи в строгом смысле слова) или французским гражданином (миграция «супруга гражданина Франции»), больше не представлена одними только женщинами: с 1998 г. среди лиц, приехавших в страну в рамках воссоединения семьи, одну треть составляют мужчины, увеличивается также доля мужчин, которые приезжают в страну к супругам с французским гражданством. В конечном счете, несмотря на отсутствие идеального баланса между мужчинами и женщинами, поведение представителей обоих полов очень похоже. Это сближение можно также увидеть в административных основаниях для допуска в страну.

Женщины, которые в настоящее время имеют лучшее образование в своих странах происхождения, также чаще мигрируют во Францию для продолжения образования: в период с 1975 по 1983 гг. на трех студентов приходилась одна студентка, а после 1998 г. на одного студента приходились две студентки. Вместе с тем, все больше мужчин приезжают во Францию по семейным обстоятельствам. Теперь эти обстоятельства не являются исключительно уделом женщин. В настоящий момент приезд в страну по причинам, не связанным с семьей (учеба, работа), создает избыток женской миграции.

Таким образом, во Францию все чаще приезжают незамужние женщины или женщины, которые покидают страну происхождения раньше своих супругов. Растущий охват женщин школьным образованием в странах их происхождения и получение женщинами доступа к высшему образованию, несомненно, играют здесь решающую роль. Женщины-мигранты сегодня в значительной степени схожи с мужчинами, как по административному статусу, так и по семейному положению на момент приезда в страну. По сути, феминизация миграционных потоков отражает глубокое изменение миграционных процессов во Франции, главной особенностью которых является не столько рост семейной миграции, сколько диверсификация случаев женской миграции.

4 Режимы гражданства в европейских странах и проблема контекстной интеграции

Теория сравнительной контекстной гражданской интеграции берет своё начало из американской теории сегментной ассимиляции исследователей А. Портес и М. Чжоу. Данная теория закладывала основы для понимания процесса, с помощью которого новое второе поколение (дети современных мигрантов) включается в систему социальной стратификации принимающего сообщества. Исследования этнических групп в Европе неоднократно опирались на теорию "сегментированной ассимиляции", чтобы помочь описать модели интеграции и мобильности Европейского второго поколения [47].

Проблема американской теории сегментной ассимиляции была в том, что акцент был сделан на сравнении различных этнических групп в одном и том же национальном контексте [48]. Существует относительно мало исследований, в которых интеграция американских детей иммигрантов сравнивается с интеграцией детей иммигрантов в других странах.

Значение национального контекста для интеграции мигрантов получило большее внимание в Европе. Исследования в Европе становятся более интернациональными, учитывая близость многих стран, которые, хотя и связаны экономически, тем не менее структурированы по-разному. Поэтому в европейском контексте более очевидным является рассмотрение последствий этих различий и к разным контекстам внутри стран.

Теория сравнительной контекстной интеграции рассматривает процессы интеграции мигрантов второго поколения в принимающее общество посредством сопоставления национальных контекстов различных европейских стран. Сравнение различных этнических групп (разделяются по этническому признаку – турки, бывшие югославы, марокканцы) в местном (в условиях больших и маленьких городов) или национальном (государственном) контексте устанавливают фокус изучения групп иммигрантов, почему одни этнические группы отстают в интеграции в принимаемое общество европейских стран по сравнению с другими.

Правительственная риторика влияет на политический и социальный климат. Это непосредственно влияет на поиск иммигрантами и их детьми своего места и положения в принимающем обществе. С одной стороны, интеграционные практики формируются и предварительно структурируются по конкретным институциональным контекстам (например, режимы и политика в области гражданства) и механизмам (например, в сфере образования и на рынке труда). С другой стороны, интеграционные практики формируются правилами и «привычками» принимающего общества, которые

устанавливают социальные отношения и регулируют социальное взаимодействие между местным населением и мигрантами в определенной европейской стране.

Выделяется три основных дискурсивных контекста интеграции мигрантов в европейское общество: политический дискурс, социальный дискурс повседневного общения и взаимодействия, и медийный дискурс [48]. Политический климат и скрытые или явные стереотипы о иммигрантах влияют на "чувство принадлежности" иммигрантов к принимающему обществу. Кроме того, институциональные механизмы могут обладать дискурсивными качествами. Например, вопрос о гражданстве часто находит свое отражение в повседневной жизни в рамках дискурса о национальной принадлежности групп и отдельных лиц.

Термин «принадлежность» включает в себя как индивидуальный, так и институциональный уровень. С индивидуальной точки зрения, перед иммигрантами второго поколения стоит задача найти своё место и положение в обществе. С институциональной точки зрения, второе поколение сталкивается с наличием границ, которые создаются институциональными механизмами, общественными и социальными дискурсами европейских стран. Это могут быть установки социальных групп (мигрантов или местного населения) или отдельных лиц. Различные факторы могут стать частью процесса установления институциональных границ, особенно когда есть культурная или групповая динамика, способствующая или предотвращающая принадлежность к определенной социальной среде. Однако групповые факторы никогда не бывают статичными или фиксированными: ни одна группа в любом контексте не может быть невосприимчивой к внешним воздействиям (например, изменение законодательства относительно гражданства или образовательной системы, не дающей мигранту возможность получить высшее образование). Последствия этих влияний как правило, наиболее заметны во втором поколении.

Дискурсивный контекст имеет напряжение между личными чувствами принадлежности второго поколения и политическими, медийными и социальными воплощениями их позиции в обществе. В большинстве европейских стран доминирующим дискурсивным контекстом подчеркивается этническая принадлежность как основной маркер мигрантов второго поколения во всех социальных контекстах, что является препятствием для успешной интеграции в местное общество. Когда принадлежность групп второго поколения к локальной или национальной общности дискурсивно ставится под сомнение, «национальная идентичность» все чаще размывается, и, в таком случае, не может быть применена к мигрантам второго поколения. Исходя из этого, получается, что

формирования в таком случае местной идентичности становится заменой национальной идентичности.

В итоге, в условиях сверхразнообразия европейских городов, участие и принадлежность этнических групп в значительной степени зависит от различий в контексте интеграции, включая институциональные механизмы (в сфере образования, рынка труда, жилья, религии, законодательство), а также различия в социальном и политическом контексте.

Теория контекстной интеграции применяется на практике в изучении различных контекстов интеграции иммигрантов в законодательстве, сфере образования, рынке труда, жилья и религиозном восприятии. В качестве основы исследования используются данные респондентов исследования TIES (The integration of the European Second Generation project) [49:7-9], проведенном в 2008 году. Исследование TIES сравнивает второе поколение в пятнадцати городах восьми европейских стран – Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Нидерландах, Швеции, Швейцарии и Испании. Для ясности: ко второму поколению авторы исследования относят детей мигрантов, которые родились в стране иммиграции, прошли там все свое образование и были в возрасте от восемнадцати до 35 лет на момент интервью, в течение 2007 и 2008 годов. Второе поколение – это дети иммигрантов из Турции, Марокко и бывшей Югославии.

За основу берем две страны для изучения – Австрия (Вена и Линц) и Германия (Берлин и Франкфурт). Критерием выступает представленность в данных странах иммигрантов турецкого и югославского происхождения и схожесть стран в культурном плане.

Рассмотрим институциональную основу гражданства этнических групп. В Австрии большинство турецких и бывших югославских представителей второго поколения имеют только австрийское гражданство. По данным опросов в Австрии мужчины – 82,9% и женщины 86,9% второго поколения турецкого происхождения имеют австрийское гражданство; двойное гражданство имеют 3,3% и 2,9%; гражданство страны, откуда эмигрировали родители – 12,9% и 9,4% соответственно. Среди респондентов бывшей Югославии имеют австрийское гражданство – 76,2% мужчин и 79,9% женщин; двойное гражданство имеют 3,5% и 0,4%; гражданство страны, откуда эмигрировали родители – 18,9% и 18,2% соответственно [49:68]. Процентное соотношение указывается от общего количества опрашиваемой этнической группы.

Двойное гражданство встречается редко. По законодательству Австрии двойное гражданство не допускается. Относительно высокий процент респондентов указали, что

они имеют гражданство только страны происхождения своих родителей, что является более распространенным статусом среди бывшей югославской группы.

В Германии ситуация обстоит следующим образом: немецкое гражданство среди мигрантов второго поколения турецкого происхождения имеют 50,8% мужчин и 55,2% женщин; двойное гражданство имеют 31% и 31%; гражданство страны, откуда эмигрировали родители 18,2% и 13,8% соответственно. Среди мигрантов югославского происхождения 68,9% мужчин и 68,1% женщин имеют немецкое гражданство; двойное гражданство имеют 17,9% и 23,3%; гражданство страны, откуда эмигрировали родители 13,3% и 8,6% соответственно [49:68].

Статус гражданства респондентов соответствует прошлому и нынешнему законодательству. С учетом того, что немецкие и австрийские правила гражданства схожи, выглядит интересным разницей между немецкими и австрийскими показателями двойного гражданства. Возможно, данная ситуация связана с тем, что в Германии иммигранты отказываются от турецкого гражданства в пользу немецкого, а после получения немецкого гражданства снова получают турецкое.

Теперь рассмотрим контекст интеграции в образовательной сфере Германии и Австрии. Рассмотрим уровень образования иммигрантов второго поколения турецкого и югославского происхождения в измерении начального, среднего и высшего образования. В случае Австрии будем рассматривать уровень образования иммигрантов в городах Вене и Линце. Укажем австрийских респондентов в соответствии - «Вена% и Линц%» турецкого происхождения; «Вена% и Линц%» югославского происхождения. Начальное образование имеют 4,5% и 2,9%; 3,6% и 2%. Ниже среднего образования имеют 19,9% и 14,6%; 12,6% и 3,6%. Среднее образование имеют 36,3% и 36,2%; 39,5% и 61,1%. Выше среднего образования на пути к академическому имеют 19,9% и 19%; 16,6% и 16,7%. Высшее образование (академия\университет) имеют 4,4%\10% и 7,3%\16,1%; 14,2%\11,1% и 4,8%\11,1% [49:111-113].

Сравним с показателями Германии по тому же способу – «Берлин% и Франкфурт%» турецкого происхождения; «Берлин% и Франкфурт%» югославского происхождения. Начальное образование имеют 3,3% и 1,1%; 2,9% и 0,9%. Ниже среднего образования имеют 22,7% и 17,5%; 10,8% и 8,1%. Среднее образование имеют 50,2% и 59,5%; 65,5% и 66,9%. Выше среднего образования на пути к академическому имеют 9% и 5,5%; 8,6% и 6,7%. Высшее образование имеют 6,7% и 6,7%; 8,3% и 12,4% [49:111-113].

Исходя из данных опросов можно сделать вывод, что иммигранты турецкого и югославского происхождения в данных странах останавливается на начальном и среднем образовании. Малая часть молодых людей второго поколения иммигрантов идет выше по

ступеням образования. Интересным выглядит то, как группы второго поколения одного и того же этнического происхождения действуют совершенно по-разному в обоих странах и городах.

Для изучения представленности на рынке труда в Германии и Австрии иммигрантов второго поколения турецкого и югославского происхождения возьмем три индикатора.

Первый индикатор полагается на индекс политики интеграции мигрантов (MIREX II) для определения влияния политики по интеграции мигрантов на рынке труда (доступ к рынку труда для мигрантов первого и второго поколения и определение их прав как трудящихся). Обычно используется по шкале от 1 (очень низкий) до 100 (очень высокий). В Австрии и Германии индекс равен в 42 и 50 [49:168]. Это говорит о нестабильном положении мигрантов второго поколения на рынке труда. Таким образом, эти страны предлагают меньше гарантий равных возможностей.

Второй индикатор отражает уровень развития системы профессионально-педагогического образования, связанный с особенностями образовательной системы с выходом на рынок труда. В Германии и Австрии, где действуют обширные системы профессиональной подготовки на уровне старших классов средней школы, общая доля молодых людей, не достигших уровня обязательного образования, относительно невелика (около 15%) [49:169], и считается, что лица, проходящие профессиональную подготовку, будут иметь более плавный переход от школы к работе, хотя и все еще в рамках профессий более низкого уровня.

Третий индикатор основывается на демографических факторах, которые могут влиять на уровень безработицы. Чем меньше доля молодых людей в общей численности населения, тем ниже риск их безработицы. Это влияет на первое и второе поколение в той же мере, сколько и на всё население страны. В Германии и Австрии доля молодежи (15-24) по отношению к взрослому (25-54) составляет 0,28 и 0,27 [49:168]. В обоих странах составляет одинаковое количество, что позволяет сделать вывод о меньшей возможности для молодых людей попасть в разряд «безработных». По мнению европейских исследователей (Herzog-Punzenberger, Kogan), в контексте Австрии турки второго поколения находятся на нижней ступени профессиональной иерархии, они испытывают трудности с получением высококвалифицированных рабочих мест, но также имеют довольно низкий уровень безработицы [49:170]. В Германии наблюдается весьма значительный прогресс в экономической деятельности между поколениями турецких женщин второго поколения, даже если их уровень активности ниже, чем у коренного населения. Однако в целом это поколение испытывает трудности с точки зрения

занятости, и они, как правило, зарабатывают меньше. Кроме того, турки второго поколения имеют, хотя и с некоторыми исключениями, более низкую отдачу от образования в плане профессиональной подготовки.

Интересным выглядит контекст выбора партнера и формирование первого союза среди мигрантов первого и второго поколений турецкого происхождения. Исследование TIES показывает, что потомки турецких мигрантов не следуют консервативным моделям формирования союзов в Германии и Австрии [49:272]. В Германии различия между мужчинами и женщинами одной этнической группы менее выражены, чем в Австрии. Турки второго поколения формируют свой первый союз позже, чем люди в Турции. Женщины из второго поколения в Германии чаще выбирают партнера из числа турок второго поколения, чем в Австрии, так как при этом возможность того, что партнер окажется высокообразованным, будет выше. В целом подобная тенденция характерна для всех турок второго поколения, проживающих в Германии. Среди менее консервативных выходцев из Югославии подобных тенденций не наблюдается.

Контекст идентичности мигрантов второго поколения турецкого и югославского происхождения в Германии и Австрии. Данные опросов, проведенные TIES показывают, что среди мигрантов первого, второго и третьего поколений турецкого и югославского происхождения в Австрии чувство принадлежности к этой стране в Вене испытывают 32,9% и 58,2% респондентов; нейтральную позицию высказывают 45% и 23,9%; слабые или вовсе не испытывают 22,1% и 17,9%. В Линце другая ситуация, в этом городе среди мигрантов чувство принадлежности испытывают 44,4% и 63,1%; нейтральную позицию занимают 38% и 29,9% респондентов; слабые или вовсе не испытывают 17,6% и 7,1% [49:292]. То есть, в меньшем городе мигранты югославского происхождения чувствуют себя более комфортно, нежели в большом, по сравнению с турками.

В Германии похожие результаты: в Берлине чувство принадлежности испытывают 45,5% и 74,3%; нейтральную позицию занимают 36,8% и 17,8%; слабо или вовсе не испытывают 17,8% и 7,9% респондентов. Во Франкфурте чувство принадлежности испытывают 54,4% и 65,7%; нейтральную позицию занимают 28,4% и 26%; слабую или вовсе не испытывают 17,2% и 8,3% [49:292]. При этом сохраняется высокая степень чувства принадлежности у мигрантов югославского происхождения.

Однако, более консервативно настроенные мигранты турецкого происхождения в большинстве своем чувствуют высокую степень принадлежности в первую очередь к этнической группе в обоих странах. В Австрии это выражено в Вене и в Линце. В Германии чувствуют себя турками больше во Франкфурте, в Берлине чуть больше половины респондентов. Подобная ситуация приводит к тому, что мигрантам второго

поколения турецкого и югославского происхождения легче интегрироваться в среде коренных жителей и от этого будет выше степень заводить союзы с местными жителями.

Среди мигрантов второго поколения турецкого происхождения наблюдается различное отношение к религиозному самовосприятию [49:364-365]. В зависимости от того, какая тенденция является основополагающей среди этнической группы. Основная же тенденция на секуляризацию сохраняются среди более высокообразованных турецких мусульман второго поколения – они менее религиозны. Другая тенденция связана прежде всего с недостатком образования. Среди данного слоя этнической группы религиозность поддерживается на высоком уровне. Однако, сохраняется приверженность мусульманской религии, например, сохраняется предпочтение мусульманского супруга при формировании союза и возобновление религиозного участия в социуме среди мигрантов второго поколения, включающих также турок с высшим образованием. Данные тенденции особенно наблюдаются в Германии.

В данном параграфе была применена теория контекстной интеграции на примере двух стран – Австрии и Германии, в которых процесс интеграции затрагивает мигрантов турецкого и югославского происхождения. Законодательство в данных странах характеризуется повышенным вниманием к вопросу наличия гражданства принимаемой страны, что мешает мигрантам иметь двойное гражданство, кроме Германии, где вариант с двойным гражданством возможен в результате получения мигрантом турецкого происхождения сначала немецкого гражданства, а потом вновь получением турецкого. Образованность мигрантов при этом остается на довольно низком уровне, большинство из мигрантов остается на ступени среднего образования, что в дальнейшем сказывается на их положении на рынке труда – лица, проходящие профессиональную подготовку, имеют плавный переход от школы к работе, но в рамках профессий более низкого уровня, уровень безработицы при этом будет на довольно низком уровне. При этом, определенный процент молодых людей продолжает обучаться на более высоких ступенях образования, что сказывается на основах формирования союзов между мужчиной и женщиной, в котором решающую роль играет уровень образования мигранта второго поколения. По результатам опросов, идентификация мигрантов в отношении принадлежности к стране проживания позволяет сделать вывод, что в условиях маленьких городов мигранты больше идентифицируют себя с принимаемой страной, чем в больших. Аспект образования играет важную роль в вопросах религиозности турецких мигрантов второго поколения, в котором более образованные мигранты меньше подвержены влиянию мусульманской религии, обратная тенденция с малообразованными мигрантами.

На интеграцию мигрантов в общество страны, где они проживают, влияет роль государственных институтов, которые создают условия для обеспечения доступа к основным социальным институтам. В зависимости от того, насколько доступны данные институты для мигрантов, будет зависеть успешность интеграции.

Первостепенная задача государства – это разработка политики интеграции, которая бы учитывала не только потребности государства, а также мнение самих мигрантов. В данном параграфе мы рассмотрим основные политики Германии и Австрии по интеграции мигрантов в социум. В качестве основной предметной области политики интеграции мы возьмем городской уровень управления сверхразнообразием.

На данный момент в Германии в крупных, а также в средних и малых городах доля населения с миграционным прошлым составляет 35-40% [50:113]. Исходя из этого, на городском уровне стоит задача мер по регулированию межкультурных и межэтнических отношений.

Одной из таких мер является «концепция интеграции на местном уровне». В неё входит разработка целей, потребностей, ресурсов и механизмов реализации интеграции мигрантов. Особенность концепции состоит в её подготовке, в которой участвуют как коренные жители, так и мигранты, иммигрантские организации и представители городской администрации.

На политику интеграции может влиять Городской Совет. Совет может создать профильный департамент в городской администрации, который будет разрабатывать основы и осуществление политики интеграции, или регулировать функции между имеющимися департаментами. Как распорядитель бюджетных средств, Совет может финансировать проекты по интеграции мигрантов в социум, а также иммигрантские организации [50:114].

Иммигрантские сообщества также могут влиять на создание городских политик по интеграции через взаимодействие с Советом посредством участия своих представителей в работе Совета или консультативного органа по делам мигрантов.

Эффективная интеграция мигрантов в социум лежит в двух плоскостях: институциональном и межличностном. Институциональный уровень представляет собой взаимодействие между мигрантами и государством. Адаптация методов управления к потребностям мигрантов происходит через предоставления государством переводческих услуг, набор сотрудников из числа мигрантов, адаптация правил работы государственных учреждений в соответствии с бытовыми потребностями мигрантов. Для этого требуется соответствующая компетенция кадрового состава городской администрации, выражающаяся в повышении уровня межкультурной коммуникации.

Межличностный уровень выстраивается при создании программ гармонизации межкультурных отношений, который создаются при взаимодействии с общественными организациями местных жителей. В ходе реализации данных программ организуются межкультурные мероприятия, где происходит тесная коммуникация между представителями иммигрантского сообщества и коренными жителями. Существуют программы по принятию мер и проведению профилактических кампаний по борьбе с предрассудками и дискриминацией; поощрению участия мигрантов в работе организаций принимающего общества и волонтерских организаций; межкультурному посредничеству и корректной организации общественных пространств [50:116].

Эффективность интеграционной политики зависит от того, насколько совершенны механизмы, позволяющие государству оценить состояние иммигрантского сообщества на данный момент. Для этого в 2007 году на втором саммите по вопросам интеграции для широкой общественности был представлен проект Национального плана интеграции. Разработка и доработка плана осуществлялась на всех уровнях государственной власти Германии, а также при участии иммигрантских сообществ. Одной из особенностей плана стала разработка мониторинга миграционных процессов во всех сферах общества.

За основу мониторинга берутся социальные индикаторы. Это помогает в понимании контекста интеграционных процессов: какое положение иммигранты занимают в принимаемом обществе. При учете индикаторов, можно отслеживать социальные тенденции и прогнозировать различные сценарии.

В мониторинге используется чаще всего используется четыре компонента: структурный (доступ к образованию, рынку труда, уровень безработицы), социальный (семейный статус, здоровье, гражданская позиция, правонарушения), культурный (владение языком), идентификационный (чувство принадлежности) [50:124].

В Австрии интеграционными процессами занимается Муниципальный департамент интеграции и разнообразия, занимающийся информированием и разработкой мер по управлению разнообразием во всех муниципальных департаментах. С 2008 года включает оценку городских служб, кадровой политики и организационных структур для адаптации к условиям этнического, социального и культурного разнообразия в Венне. Всего он анализирует 43 департамента, наблюдением за общим улучшением миграционных процессов [51:53].

Данный департамент помогает департаментам городов отслеживать и корректировать работу для достижения целей интеграции в сфере образования, здравоохранения, инфраструктуры, обеспечении жилья.

В Австрии, как и в Германии, также используется специальный мониторинг для отслеживания тенденций миграционных процессов и интеграции мигрантов в австрийский социум.

Венский интеграционный концепт – это базис мер по интеграции мигрантов в социум для городской администрации. Концепт включает в себя основные направления для интеграции: изучение немецкого языка и многоязычность, образование и работа, совместное жильё и участие в жизни общества и объективность [51:43].

Основой концепта является культура приветствия новых мигрантов и поддержка их в интеграции в новом социуме. Например, разработана приветственная брошюра «Start Wien», включающая в себя важную информацию о городских службах и ваучеры на языковые курсы.

Подобный концепт, выстраивающий культуру приветствия, определяет, что венское общество берет за основу базовые права человека, являющиеся главенствующим принципом города, выделение равных возможностей и направленность против дискриминации, расизма и ксенофобии. В 2014 году Городской Совет одобрил данную декларацию под названием «Вена – город Прав Человека» и с тех пор фокус городских политик направлен на соответствие правам человека для мигрантов, прибывающих в страну [51:44].

В связи с этим, Муниципальным Департаментом Интеграции и Разнообразия разработана специальная система «integration from Day 1». Данная система помогает вновь прибывшим иммигрантам поселиться в Венне в кратчайшие сроки. В совокупности с программой «Start Wien» интеграция мигрантов различных этнических групп происходит эффективнее. Перед посещением языковых курсов, иммигранту на его родном языке по программе «Start Coaching» предоставляется информация по модулям: рынок труда, образование, жильё, здравоохранение, права человека, законодательство и общество [51:49]. Таким образом, иммигрант получает основную информацию о Австрии и у него появляется возможность быстрее интегрироваться в местное общество.

По итогу немецкие городские политики в условиях сверхразнообразия, разрабатываемые при содействии общественных организаций местных жителей, мигрантов и городских управ, позволяют учесть интересы каждого субъекта интеграционного процесса. Такие меры, как – концепция интеграции на местном уровне; использование ресурсов Городского Совета; налаживание отношений между мигрантами и государством, мигрантами и местными жителями через адаптацию методов управления к потребностям мигрантов и создания программ гармонизации межкультурных отношений, дают возможности для мигрантов успешно интегрироваться в немецкое

общество. Успех интеграции можно отследить с помощью мониторинга, разработанным немецким правительством.

Программы интеграции мигрантов в австрийское общество на уровне города Вены, по сравнению с Германией, предполагает более комплексный подход к интеграции. С помощью языковых курсов и информирования мигрантов об устройстве австрийского общества, а также помощь в получении жилья и работы, эффективность интеграции только возрастает.

В данной главе была охарактеризована теория сравнительной контекстной интеграции, которая взяла своё начало из американской теории сегментной ассимиляции М. Чжоу и А. Портес. Но из-за использования в данной теории условия единого национального государства, европейскими исследователями данная теория была адаптирована для условий европейских государств, где применение теории сегментной ассимиляции было использовано в рассмотрении контекстов интеграции мигрантов второго поколения в законодательстве, сфере образования, рынке труда, жилья и религиозном восприятии; и сравнении данных контекстов интеграции в европейских странах и городах.

Применение теории контекстной интеграции показано на примере двух стран – Австрии и Германии, в которых процесс интеграции затрагивает мигрантов турецкого и югославского происхождения. Вначале рассмотрен контекст законодательства по отношению к гражданству, в ходе рассмотрения был сделан вывод, что в Австрии и Германии большинство турецких и югославских мигрантов второго поколения имеют только гражданство принимающей страны. Уровень образования мигрантов в крупных и маленьких городах Австрии и Германии характеризуется тем, что большинство мигрантов второго поколения останавливаются на начальном и среднем образовании, малая часть людей идет выше по ступеням образования. Представленность мигрантов на рынках труда выражается в трех показателях, исходя из которых был сделан вывод, что в Германии и Австрии для мигрантов второго поколения имеется меньше гарантий равных возможностей на рынке труда и в целом их положение нестабильно, уровень образованности влияет на то, что лица, проходящие профессиональную подготовку, имеют плавный переход от школы к работе, но в рамках профессий более низкого уровня, уровень безработицы при этом будет на довольно низком уровне. Основы формирования союзов между мужчиной и женщиной среди турецких мигрантов второго поколения лежат в консервативном взгляде на семью и в целом выбор партнера идет из лиц, относящихся к данной этнической группы. Идентификация мигрантов по отношению к принадлежности стране, при этом можно сделать вывод, что в маленьких городах чувство

принадлежности испытывает больше мигрантов, по сравнению с респондентами из больших городов. Религиозные особенности самовосприятия характеризуются двумя тенденциями: секуляризацию (среди высокообразованных мигрантов турецкого происхождения), приверженность мусульманской религии (среди мигрантов, обладающих низким уровнем образования).

Были рассмотрены основные городские политики Германии и Австрии по управлению многообразием и интеграции иммигрантов в принимаемое общество. В Германии подобные меры выражаются в концепции «интеграции на местном уровне», разрабатываемой совместно с мигрантами и местными жителями. Через Городской Совет могут создаваться профильные департаменты, на которые могут также влиять мигранты. С помощью адаптации методов управления к потребностям мигрантов выстраивается взаимодействие между государством и мигрантами с одной стороны, и создание программ гармонизации межкультурных отношений выстраивается взаимодействие между местными жителями и мигрантами с другой. Для оценки существующей обстановки интеграционных процессов и оценки в дальнейшем её динамики правительством Германии разработан специальный мониторинг. В Австрии выработаны специальные программы на уровне Вены для помощи мигрантам в интеграции в австрийское общество – «Star Wien», включающая в себя важную информацию о городских службах и ваучеры на языковые курсы, «Integration from Day 1» для помощи вновь прибывшим мигрантам поселиться в Вене и «Star Coaching» с информацией на родном для мигрантов языке о рынке труда, образовании, жилье, здравоохранении, правах человека, законодательстве и обществе.

5 Трансформации социокультурного ландшафта в постмиграционных обществах

Пространственная метафора завладела воображением социальных ученых столь прочно, что сегодня трудно найти работу на тему мигрантов в городе, в которой бы не фигурировали слова «пространство» и «территория». Порой эти слова имеют откровенно мифопоэтический оттенок – «пространство контакта», «пространство надежды», «территория встречи», «территория будущего»... Привлекательность такого словаря связана с антиэссенциалистским поворотом, произошедшим в социально-гуманитарных науках в последнюю треть XX столетия. В ходе этого поворота в категориальном аппарате современного обществознания утвердилось бурдьедианское понятие «социальное пространство» [52]. Последнее, в отличие от пространства географического, или физического есть пространство социальных отношений.

Между тем многие исследователи миграции, декларативно присягнувшие на верность конструктивистской методологии, на практике остаются внутри эссенциалистской парадигмы. Исходным пунктом их анализа выступают *этнические группы* (в других изводах – этнокультурные, этноконфессиональные группы). Последние наделяются набором якобы изначально присущих им свойств, не зависящих от социального взаимодействия. Если в ходе рассуждения при этом появляется термин «пространство», то оно мыслится как пустоеместилище для контакта групп друг с другом. Иными словами, группы предстают как субстанции, обладающие некими акциденциями, тогда как пространство есть не более чем пустая оболочка для развертывания этих акциденций¹⁴.

Далее мы приведем краткий обзор исследований, посвященных воздействию миграции на города, под углом зрения эволюции этих исследований от эссенциализма к конструктивизму. В первой части идет речь о международной академической литературе, во второй – о российской.

Значимым шагом на пути преодоления эссенциалистской оптики в исследованиях миграций стала публикация в начале 2000-х годов программной статьи Андреаса Виммера и Нины Глик Шиллер [54]. Ученые поставили под вопрос продуктивность теоретической установки, которую они назвали методологическим национализмом. В отличие от национализма идеологического речь в данном случае идет об эпистемологии, благодаря которой общественно-человеческий мир выглядит как изначально поделенный на

---

¹⁴ Критику этой эпистемологической установки – под именем «группизма» см. [53].

национальные государства¹⁵. Отсюда проистекает нерелефлексивный жест исследователей – обращаться с «национальными государствами» и «этническими группами» как с само собой разумеющимися единицами анализа. Первые выступают своего рода контейнерами, внутри которых вторые взаимодействуют друг с другом. Такая оптика, однако, никоим образом не является «естественной», не говоря уже о том, что она не позволяет разглядеть множество важных общественных тенденций и явлений. Например, то обстоятельство, что выходцы из одной страны, постоянно проживающие в другой стране, ни в аналитическом, ни в эмпирическом плане не «умещаются» ни в одно из этих пространств. Вырабатываемые ими формы самопонимания («идентичности»), равно как и формируемые ими способы коммуникации (как с принимающей страной, так и со страной исхода) носят не национальный, а транснациональный характер. Это в полном смысле слова *транснациональные сообщества*. Разумеется, Виммер и Глик Шиллер не были первооткрывателями, раскрывшими глаза коллегам на существование этого феномена. Соответствующая литература появилась задолго до их публикации и множилась независимо от нее [57-63]. Теоретическая рамка транснационализма в какой-то мере позволила сформировать альтернативу «диаспороведению»¹⁶. Стоит, впрочем, заметить, что само по себе использование лексики транснационализма не является гарантией расставания с методологическим национализмом и укорененной в нем этноцентричной оптикой [65-67].

Итак, социальное пространство есть пространство отношений. Поскольку эти отношения одновременно разворачиваются на разных уровнях – глобальном, национальном, региональном, локальном – их анализ будет продуктивным только при условии, если исследователи отдадут себе отчет во взаимной конститутивности «глобального» и «локального» [68-70]. Ученые, разумеется, вольны сфокусировать внимание на таком объекте как Город, но при этом полезно помнить, что «город» есть не более чем аналитическая точка входа. Единицу анализа нельзя принимать за единицу реального взаимодействия.

Социальные взаимодействия сегодня – не взаимодействия между отдельными «территориальными целостностями», или «территориями» разного уровня, а

---

¹⁵ Стоит, впрочем, отметить, что рефлексия по поводу «территориальной ловушки», подстерегающей исследователей, исходящих из наций-государств как единиц анализа, впервые появилась в рамках теории международных отношений. [55] Кроме того, с критикой методологии «государствоцентризма» за несколько лет до Виммера и Глик-Шиллер выступил урбанист Нейл Бреннер [56].

¹⁶ Авторы, работающие в *Diaspora studies*, зачастую понимают свой объект в этнических терминах: «диаспоры» для них есть не что иное, как этнические группы, переместившиеся с территории своего государства на территорию чужого. Они воображаются как эмигранты той (этнической) культуры, которую привезли с собой, как носители и хранители особой идентичности; что же касается их взаимодействия со страной проживания, то оно не может быть ничем иным, кроме контакта или конфликта этой идентичности с другой идентичностью. Критический разбор теоретических оснований «диаспороведения» см.: [64]

взаимодействие внутри одного пространства, одной «территории». Эта территория формируется капиталистической глобализацией, современная фаза которой связана с победой неолиберальной модели капитализма над кейнсианской. Неолиберальная глобализация ведет к радикальному реструктурированию социального пространства, в том числе на городском уровне. О теоретических следствиях этого положения для миграциологии рассуждают Нина Глик Шиллер и Айше Чаглар [71],[72]. Таких следствий два. Первое: изучение современных миграций невозможно в отрыве от изучения процессов реструктурирования постиндустриальных городов, происходящих под воздействием неолиберальной глобализации с 1980-х годов. Следствие второе: инкорпорирование мигрантов в социальную фабрику города не следует рассматривать сквозь этнические очки – как «интеграцию» представителей неких этнических сообществ («культурных меньшинств») в квази-гомогенное «принимающее сообщество» («культурное большинство»). Стратегии, посредством которых мигранты встраиваются в социальное пространство города, определяются не ими самими и не горожанами. Они диктуются логикой капиталистической глобализации, радикально меняющей города. «Нерегулируемый капитализм свободного рынка расширяет классовое разделение, усиливает социальное неравенство и делает так, что богатые регионы становятся богаче, а все остальное все глубже погружается в болото бедности, – пишет Дэвид Харви. – Города становятся все более геттизированными по мере того, как богатые все сильнее стремятся оградить себя от них» [73:90].

Мигранты приходят вслед за инвестициями в «городское развитие», способствуя джентрификации отдельных районов, и в то же время мигранты – неотъемлемый элемент процессов прекаризации труда, охвативших постиндустриальный мир в последние два десятилетия XX века и ставших особенно драматичными после финансового коллапса 2008/2009 годов. Для того чтобы адекватно отразить траектории мигрантского встраивания в эти процессы, исследователям необходимо снять «этнические очки».

Понятно, что излагаемые здесь мысли не возникли в идейном вакууме. Глик Шиллер и Чаглар опираются, помимо процитированного выше Дэвида Харви [74],[75], на целый корпус исследований по социальной географии, социальной антропологии и социологии города, среди которых следует выделить работы Жанет Абу-Лугод [76], Нейла Бреннера [77], Саскии Сассен [78] и Лоика Ваканта [79],[80].¹⁷

---

¹⁷ Нет нужды говорить о том, что некоторые важные имена, относящиеся к классикам, не всплывают в силу глубокой инкорпорированности их идей сегодняшними авторами. Я имею в виду, конечно, Анри Лефевра, у которого Дэвид Харви позаимствовал метафору «право на город», и на работы которого по городской сегрегации непосредственно опирается Лоик Вакант. [81],[82]

Кроме того, интеллектуальное поле для их поиска в большой мере было подготовлено хрестоматийной книгой Герта Баумана (Baumann 1996). Новизна и непреходящее значение этой работы заключается, прежде всего, в том, что в ней на богатом эмпирическом материале проанализирована связь между классификациями населения и нашими представлениями о «сообществах». Последние обусловлены первыми. Господствующий дискурс – задаваемый классификациями, принятыми бюрократией – предполагает, что общество в том или ином городе или городском районе состоит из отдельных «этнических сообществ», каждое из которых является носителем особой культуры. В той мере, в какой сами люди интериоризировали господствующий дискурс, они принимают эти деления за само собой разумеющиеся, рассматривая «этнические сообщества» как отдельные «культурные сообщества».

Основные мысли программных статей Глик Шиллер и Чаглар получили дальнейшую разработку в их недавней книге «Мигранты и производство городов». В ней, среди прочего, сделано три важных теоретических заявления. *Во-первых*, дихотомия «местное население» (natives) vs. «мигранты» должна быть проблематизирована. ‘Native’ – понятие контекстуальное, ситуационное и властно нагруженное. Кого отнесут к этой категории, а кого из нее исключат, зависит в конечном итоге от того, какие агенты социального поля обладают символической властью, позволяющей навязать определенное видение «общества».

Во-вторых, в проблематизации нуждается также понятие мобильности. «Мобильность» – совсем не невинный термин, лишь констатирующий некий факт. Кто сегодня мобилен, а кто – нет, опять-таки, определяется диспозициями сил на политическом и экономическом полях. С одной стороны, возможность быть мобильными – роскошь, имеющаяся в распоряжении высших и средних классов, тогда как представители низших классов такой возможности зачастую лишены по причине отсутствия элементарных ресурсов. С другой стороны, многие из тех, кого сегодня называют мобильными индивидами, вовсе не выбрали эту опцию (располагая возможностью оседлости); к существованию в качестве мобильных субъектов их вынудили обстоятельства – в частности, упомянутая выше прекаризация. (Добавим, что ситуация пандемии COVID-19 еще более обострила фактор неравенства, детерминирующий «мобильность». Если представители средних классов в большинстве своем могли «самоизолироваться», работая удаленно, то рядом с ними существовали люди, у которых такой возможности не было. Им, так сказать, передали мобильность на аутсорсинг, делегировав те функции, которые в менее опасное время люди выполняют сами – доставку еды и проч.) За выражением «мобильность» скрывается два совершенно

разных процесса, которые авторы обозначают трудно переводимыми на русский язык словами *emplacement* и *displacement*. Включение в городское пространство одних сопровождается исключением из него других. «Обретение места» теми или иными индивидами идет параллельно с «лишением места» других индивидов.

В-третьих, так называемое городское развитие имеет различные последствия не только для различных групп жителей, но и для различных городов. Процесс, именуемый «развитием», в случае мега-городов означает умножение возможностей, увеличение ресурсов, аккумуляцию всех видов капитала – от финансово-экономического до социального. Но в случае малых городов он зачастую означает совсем иное – социально-экономическую депрессию и резкое снижение шансов найти работу для большей части жителей. А. Чаглар и Н. Глик-Шиллер называют эти два типа социальной динамики терминами (опять-таки трудно поддающимися переводу) *empowerment* и *disempowerment*. «Обретение возможностей» и «наделение правами» (*empowerment*) на одном полюсе влечет за собой «изъятие прав», «лишение возможностей» (*disempowerment*) на другом полюсе. Эта динамика, повторимся, затрагивает как города в качестве географических и хозяйственных единиц, так и населяющих их людей. Есть «пораженные в правах» (*disempowered*) индивиды и слои населения, и есть «пораженные в правах» города. И то, и другое – следствие процессов капиталистической глобализации, которые мы бездумно именуем «развитием».

Книга, о которой идет речь, стала возможной благодаря многолетнему исследованию, которое проводилось под руководством Чаглар и Глик Шиллер трех небольших городах трех стран – Галле в восточной части Германии, Мардин в Турции и Манчестер в американском штате Нью-гемпшир. Все эти города считались на рубеже 1980-1990-х годов депрессивными, все стали в определенный момент объектом политик развития, в каждом из них приток мигрантов рассматривался в контексте притока инвестиций и ребрендинга. Результаты этих политик оказались, мягко говоря, противоречивыми. Их бенефициарами стали немногие, тогда как «лишенцами» – многие. Но, что здесь особенно, важно, «лишающая» логика неолиберального капитализма затрагивает все группы населения, независимо от того, являются они местными или приезжими. Данный тезис для авторов принципиален. Из него, собственно, и следует их настаивание на необходимости преодолеть дихотомию «местные/мигранты» как в теоретическом, так в практическом плане. В теории это означает выход за пределы бинарной логики, в которой эти «группы» мыслятся как статичные и противопоставляются друг другу. На практике же это означает внимание к вариативности взаимодействия горожан с мигрантами, включающего в себя *сотрудничество*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале 2020 года национальные государства столкнулись с беспрецедентным вызовом, обусловленным распространением опасного вируса. Руководство большинства стран современного глобализирующегося мира должно было решить крайне сложную задачу: защитить население от угрозы потенциально смертельного заражения, что означает радикально ограничить мобильность граждан (и, как следствие, заморозить экономическую активность) и в то же время найти средства минимизации экономического ущерба от таких мер.

Подавляющее большинство режимов управления миграцией подразумевает, что большая часть иностранных граждан имеют право находиться в стране лишь в течение определенного срока (эти сроки определены либо соответствующими двусторонними и многосторонними соглашениями, либо системой въездных виз и видов на жительство). Кроме того, они предполагают возможность добровольного или принудительного удаления иностранных граждан с территории государства. Эта система оказалась совершенно не готова к ситуации почти одномоментного прекращения международного сообщения.

Скорость распространения пандемии COVID-19 привела к тому, что гражданские перевозки остановились практически моментально¹⁸. Введенные ограничения на передвижение основаны на допущении, что каждое государство берет на себя ответственность в первую очередь за своих граждан, а с остальными обращается «по остаточному принципу».

В этой ситуации в наибольшей опасности оказались мигранты, традиционно более уязвимые в периоды кризисов [83]. Их расходы на повседневное существование не изменились, а введение карантина привело к существенному сокращению экономической активности и доступных рабочих мест. И если местное население получает поддержку от государства, то мигранты, лишённые большей части социальных гарантий и часто работающие неформально или на краткосрочных контрактах, оказались в особенно тяжелом положении. При этом речь идет о миллионах людей, задействованных в ключевых секторах экономики развитых стран¹⁹. Под ударом оказались самые разные группы, начиная от законных трудовых мигрантов и членов их семей и заканчивая беженцами.

---

¹⁸ Многие страны объявили об организации специальных авиарейсов по вывозу своих граждан, находившихся за рубежом в момент закрытия границ. Однако эта мера недостаточна, ибо она в первую очередь нацелена на людей, находившихся за границей в краткосрочных поездках или имеющих неотложную необходимость вернуться на родину.

¹⁹ Подробнее статистику по ЕС см: [84]

Универсального решения в данной ситуации не существует. Логика действий властей в значительной степени зависит от национальной специфики, и, в частности, от типа политической культуры, к которому тяготеет та или иная страна. Можно, в частности, вести речь, о «либеральной» и «этатистской» (или «дирижистской») политических культурах, первая из которых ориентирована на открытость и экономическую свободу, а вторая – на более значительный контроль государства над социально-экономической сферой. К первой модели можно отнести США и Великобританию, ко второй – Францию. Однако практика показала, что руководство большинства стран, независимо от того, к какой из этих моделей их можно отнести, экспериментировало с мерами разного характера. Например, Швеция, традиционно тяготеющая к дирижизму (а также Беларусь, проводящая жестко этатистский курс в правление президента А.Лукашенко) придерживаются в течение всего периода пандемии относительно либерального курса в том, что касается введения ограничений на мобильность находящегося на их территории населения (граждан и неграждан).

Как бы то ни было, реальность, с которой приходится считаться всем без исключения государствам, одна. Ее параметры таковы.

1) Миграция пронизывает социальную ткань современного мира, и пандемия не положит ей конец.

2) Экономика большинства государств условного Севера (включая Россию) нуждается в рабочей силе из стран условного Юга. Пандемия и связанная с ней рецессия не приведут к тому, что потребности рынка в рабочей силе будут полностью удовлетворены за счет перепрофилировавшегося местного населения. Более того, бизнес-модели некоторых отраслей (в первую очередь это касается сельского хозяйства, а также строительства, транспорта, ресторанно-гостиничного бизнеса) не жизнеспособны без привлечения иностранной рабочей силы, не говоря уже о том, что борьба за привлечение высококвалифицированных специалистов является одним из стратегических приоритетов подавляющего числа экономически развитых стран.

3) Существующее миграционное законодательство нуждается в адаптации к новым реалиям, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе;

4) Мигранты с низким уровнем дохода подвергаются особому риску в период эпидемий (Это касается не только потери работы, но и банальной невозможности самоизолироваться из-за стесненных жилищных условий, отсутствия доступа к цифровым сервисам и т.д.). Государства должны оказывать им поддержку независимо от их

легального статуса²⁰. Это необходимо (а) для сдерживания пандемии, (б) для сокращения будущего ущерба собственной экономике. Краткосрочные меры поддержки мигрантам, уже находящимся в стране, по-видимому, обойдутся дешевле, чем затраты на обучение новых работников, которые придется нести по мере восстановления экономики и восстановления спроса.

Введение временных ограничений на свободу передвижения на территории ЕС

По данным на 28 мая 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 в мире введено более 63 тысяч различных ограничений на передвижение людей. Из них более 45 тысяч наложены на прибытие с определенных территорий, еще 11 тыс. связаны с требованиями к состоянию здоровья путешественников, ограничения на въезд для граждан определенных государств практически не используются как инструмент.

Активно ограничения на передвижение в связи с пандемией COVID-19 стали вводиться в начале марта. При этом с 8 по 16 марта большая часть вводимых ограничений касались состояния здоровья путешественников, во второй половине марта основным инструментом стали ограничения на въезд с определенных территорий, а начиная с начала апреля новые ограничения по большей части вновь касались состояния здоровья путешественников²¹.

При этом 102 из 202 стран делают исключение для своих граждан и членов их семей, 93 страны – исключения для резидентов и членов их семей, другие типы исключений распространены гораздо меньше. Отдельно стоит отметить, что в 54 странах режим закрытых границ не предусматривает никаких исключений. В апреле-мае выросло число исключений для врачей (+6%), лиц, чье здоровье требует срочно медицинского вмешательства (+5%), гуманитарных работников (+3%), транзитных пассажиров (+3%), доля не поддающихся типологизации случаев выросла на 15%.

Страны ЕС объявили о закрытии *внешних границ* блока 18 марта сроком на один месяц с возможностью продления. При этом большинство стран ЕС приняли решение о временном восстановлении пограничного контроля на *внутренних границах* в период с 12 по 17 марта [85]. К началу июня ограничения продолжают действовать, частичное открытие внутренних границ ЕС ожидается с середины месяца. Для сравнения: РФ приняла решение о полном закрытии границ начиная с 30 марта (задержка в 2 недели).

Основная задача подобных ограничений – замедлить распространение вируса и дать национальным системам здравоохранения время на подготовку (порядка 2-4 недель).

---

²⁰ В этом контексте передовое решение приняли в Португалии, где всех мигрантов временно приравнивали к резидентам и, соответственно, гарантировали им те же права до окончания пандемии.

²¹ 3811 ограничений - по медицинским показателям, 1892 - ограничения на въезд с определённых территорий.

Однако по данным ВОЗ само по себе закрытие границ и прекращение международного сообщения не дает возможности избежать заражения отдельных стран или переломить ситуацию на национальном уровне [86]. При этом экономический ущерб таких ограничений весьма существенен. Работает эта формула и в обратном порядке: частичное открытие границ или ослабление ограничений для определенных категорий путешественников возможно до окончания пандемии при условии создания других мер по контролю и борьбе с распространением инфекции.

Миграционная политика в краткосрочной перспективе: послабления в регулировании

В краткосрочной перспективе ключевым вопросом является адаптация систем управления миграцией к тому, что перемещение мигрантов за пределы страны (как принудительно, так и добровольно) не осуществимо.

Среди лидеров стран ЕС существует относительный консенсус в отношении того, что легальные процедуры должны быть временно упрощены или отложены, а мигрантам должны предоставляться альтернативные пути интеграции в условиях самоизоляции (Например, с использованием онлайн форматов).

В Дании правительство приостановило все интеграционные программы, включая языковые курсы. В то же время продлены сроки сдачи экзаменов на получение вида на жительство и *упрощены требования к соискателям статуса резидента, уже находившимся в стране* [87]. Большую роль играют НКО, предоставляющие мигрантам информацию о пандемии и принимаемых в связи с ней мерах *на языках отличных от датского*, оказывающие юридические консультации, организующие онлайн курсы по изучению датского и т.д.

Во Франции выдача новых видов на жительство приостановлена, текущие разрешения автоматически продлены на 3 месяца. Приостановлены также процедуры по предоставлению убежища, а условия содержания в центрах временного пребывания для мигрантов вызывают нарекания правозащитников [88]. Наблюдатели выражают опасения о закрытии ряда НКО, работающих с мигрантами, из-за недостатка финансирования и отсутствия возможности проводить эту работу онлайн.

В Германии федеральное агентство занятости высказывает озабоченность в связи с сокращением количества иностранных сотрудников. 1 марта 2020 принят новый закон об иммиграции, упрощающий миграцию квалифицированных специалистов в Германию, обсуждается создание отдельных квот для набора временных работников из-за рубежа в различные сектора экономики в период карантина [89].

В Испании виды на жительство автоматически продляются на время карантина, программы помощи беженцам продляются автоматически без предоставления новых документов, процедуры для беженцев, находящихся в процессе оформления легального статуса или помощи упрощены, временно приостановлены депортации.

В Литве информация о мерах правительства, вводимых в связи с пандемией, доступна на литовском и английском языках, разнообразные НКО ведут работу с мигрантами, депортации отложены, к иностранцам, чьи разрешения на пребывание в стране истекают в период карантина, не будет применяться никаких санкций [90].

В Польше разрешения на работу и визы для иностранцев автоматически продляются на время действия карантина. Кроме того, иностранцы, постоянно пребывающие на территории страны (включая беженцев) освобождены от необходимости обращаться за новыми разрешениями на пребывание до конца срока карантина [91].

В Словакии разрешения на работу и визы автоматически продляются на время действия карантина (всякий раз сроком от 30 до 60 дней). Кроме того, на текущий 2020 и 2021 годы ослаблены требования для бизнесменов-неграждан по продлению видов на жительство и разрешений на работу [92].

Особняком стоит Венгрия. Здесь введено бессрочное чрезвычайное положение. По сути, В.Орбан использовал ситуацию с пандемией для легализации авторитаризма. Расширены полномочия правительства, введены жесткие ограничения на въезд, иностранцы, нарушающие требования эпидемиологического контроля, могут быть депортированы. В отличие от большинства европейских стран, Венгрия автоматически не продляет разрешения на пребывание и на работу для иностранцев. (Заявки на такое продление должны подаваться онлайн). Компенсации потерявшим работу из-за пандемии отсутствуют, детские сады и школы закрыты. Государственные органы практически не публикуют важную информацию касательно пандемии на языках отличных от венгерского [93].

В антилиберальном ключе действует также Мальта: иностранцы, нарушившие карантин, могут быть депортированы; подлежат депортации иностранцы, потерявшие работу. Миграционное ведомство приостановило прием любых ходатайств от людей, находящихся за пределами страны.

Кроме того, ряд стран ЕС закрыли центры временного содержания беженцев и существовавшие при них сервисы из-за угрозы локальных вспышек COVID-19, не создав при этом доступной для мигрантов альтернативы [94].

Общая тенденция, однако, заключается в том, что государства Евросоюза – за некоторыми исключениями – упрощают легальные процедуры и автоматически

продолжают предоставлять необходимые мигрантам документы. При этом основная нагрузка по информированию мигрантов и работе с сообществами ложится на НКО, а социальные гарантии для мигрантов в период карантина слабо проработаны.

Разумным было бы начать разработку постоянных решений на случай второй волны инфекции и/или подобных ЧП в будущем. Осознавая это, власти Испании анонсировали запуск системы базового дохода для 850 тысяч беднейших домохозяйств и анонсировали программу помощи семьям резидентов с одним родителем [95].

Наконец, отдельного внимания заслуживает следующая тенденция. Некоторые политики на фоне кризиса разыгрывают антимигрантскую карту, заявляя о том, что иностранцы или некоторые государства в целом несут ответственность за распространение COVID-19 в их странах. Важно понимать, что их риторика основана на выработанной до кризиса позиции и настроениях избирателей, а не на особенностях самого кризиса. В корне неверно увязывать пандемию с какой-либо страной или миграцией в целом.

Миграционная политика в среднесрочной перспективе: адаптация ограничительных мер к нуждам рынка труда

В среднесрочной перспективе (до весны-лета 2021 года) ключевым является вопрос о том, как быстро сможет восстановиться экономика, спрос на труд²² и удастся ли избежать второй волны карантина. С точки зрения миграционного регулирования ключевой вопрос – будут ли удовлетворены за счет смены профессий гражданами потребности посткризисного рынка труда и будет ли необходимость в массовом приглашении иностранной рабочей силы.

Показательной в этом отношении является ситуация с сезонными рабочими в аграрном секторе. По всей видимости именно решения и опыт в этой области лягут в основу миграционного регулирования в новой нормальности.

Аграрные секторы стран Севера в силу сезонной специфики традиционно полагаются на рабочую силу из стран Юга. Доля сезонных рабочих-мигрантов в агрокультурном секторе составляет от 10 до 40% от общего числа рабочих в различных странах Севера. Глобальные ограничения мобильности, введенные весной фактически парализовали индустрию. Так в Канаду ежегодно привлекается около 60 тысяч сезонных рабочих, Франция на начало мая заявила о нехватке 200 тысяч рабочих, в Германии нехватку рабочих рук оценили в 280 тысяч, общая нехватка сезонных рабочих в агрокультурном секторе Европы к началу лета составила порядка миллиона человек. Для

---

²² Прогнозируемый рост безработицы в ЕС с 7.5 до 9.4% в краткосрочной перспективе с возвращением к докризисному уровню в течение 5 лет; в РФ прогнозируемый рост безработицы – с 4.5 до 7-9%

сравнения в российском аграрном секторе занято по меньшей мере 500 тысяч мигрантов, а дефицит рабочих рук составит по меньшей мере от 20 до 100 тысяч человек.

В связи с этим возникает сразу два вызова: 1) как в срочном порядке ликвидировать нехватку рабочих рук при условии закрытых границ 2) как должна трансформироваться система привлечения сезонных рабочих в условиях новой нормальности.

На сегодняшний день меры можно поделить на несколько типов: а) ослабление ограничений в отношении уже находящихся на территории страны сезонных рабочих (автоматическое продление сезонных разрешений на работу, временное ослабление ограничений по продолжительности пребывания сезонных работников в стране и т.д. [96],[97]). б) создание механизмов мобилизации и вовлечения других групп населения (временная легализация находящихся в стране иррегулярных мигрантов, привлечение к работе беженцев, привлечение других групп населения, как правило не задействованных в сезонных работах в агросекторе [98-100] (безработные, студенты, и т.д.). Ключевым в этом случае является разрабатываемый в Италии законопроект, предполагающий временную легализацию (на срок от 6 месяцев до года) с привлечением в аграрный сектор до одного миллиона мигрантов и беженцев на сегодняшний день находящихся в стране на полуполюгальных основаниях. в) создание экстренных программ привлечения сезонных рабочих из-за рубежа с использованием жестких медико-эпидемиологических ограничений, несмотря на карантинные меры²³.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе необходимо определиться с новым дизайном систем привлечения сезонных рабочих и найти баланс между требованиями безопасности и экономической целесообразностью. Достаточно очевидно, что на постоянной основе закрыть потребности аграрного сектора в сезонной рабочей силе за счет внутренних резервов в странах севера практически невозможно. Это связано как с демографическими особенностями структуры населения стран Севера, так и сезонным характером работы, малоподходящим постоянному населению и с экономической целесообразностью. В основе сезонной миграции лежит возможность для мигранта заработать за несколько месяцев достаточно денег, чтобы обеспечить собственное существование на остаток года на родине. Иными словами, подобная схема основана на разнице в уровне жизни между принимающей и отдающей странами, она малопривлекательна для внутренних мигрантов.

В новых условиях представляется неизбежным ужесточение медицинских требований и контроля за их исполнением при привлечении иностранной рабочей силы,

---

²³ Например [101]

что в свою очередь приведет к росту издержек на ее привлечение. Речь идет как о трансформации самих механизмов набора, так и адаптации условий пребывания мигрантов в пребывающей стране к новым реалиям. В тоже время рост издержек не должен привести к выдавливаю мигрантов в теневую экономику. В таких условиях государство должно взять на себя основную нагрузку, это касается как создания центров временного пребывания-обсерваторов нового типа, минимизирующих эпидемиологические риски новоприбывших (на сегодняшний день эксперты выделяют центры временного содержания и интеграции, а так же лагеря беженцев как наиболее уязвимые к вспышкам заболеваний учреждения), систем доступной медицинской помощи для мигрантов (как финансовой, так и правовой) и организованных систем набора сезонных рабочих на территории отдающих государств.

Полная переориентация отдельных секторов экономики, годами зависевших от сезонной миграции, на национальный рынок труда представляется маловероятной даже при негативных сценариях развития экономики восстановления. В то же время миграционное регулирование временно (до изобретения и распространения вакцины) переходит в режим ручного управления, а относительно свободная миграция временно заменяется точечными программа набора.

Россия и ЕЭАС

Россия и другие члены ЕЭАС действуют в той же логике, что и большинство стран мира. Очевидно, что на практике существует чрезвычайная ситуация, в которой государство имеет право приостановить действие действующих миграционных соглашений и безвизовом режиме и т.д. в связи с возникшими чрезвычайными обстоятельствами, независимо от того объявлен ли формально режим ЧС. Ситуация осложняется тем, что в странах Союза благодаря безвизовому режиму и общему рынку труда присутствует большое число граждан других стран членов объединения. Особенно выделяется ситуация в России и Казахстане – двух наиболее притягательных для трудовых мигрантов странах союза. Меры властей по поддержке мигрантов схожи с европейскими: Указ об автоматической пролонгации патентов и иных документов, разрешающих мигрантам работу на территории РФ на срок до 3 месяцев, был обнародован 18 апреля [102]. Аналогичные решения были приняты в европейских государствах во второй половине марта- первых числах апреля²⁴, т.е. российские власти действуют с двухнедельной задержкой. Об иных мерах целевой поддержки в отношении мигрантов на сегодняшний день заявлено не было.

---

²⁴ Практически сразу после закрытия границ.

В Российской Федерации находится несколько миллионов трудовых мигрантов, многие из которых потеряли работу и нуждаются в поддержке. Потеря такого количества рабочих рук может сказаться на экономике сильнее, чем вынужденный простой из-за карантина и выделенные государством субсидии. Не представляется возможным и возвращение существенного числа мигрантов на родину в условиях режима закрытых границ.

По прогнозам экспертов, после открытия границ Россию может покинуть до 30 % мигрантов (до 2-3 млн человек), однако такой отток будет носить временное явление. Это связано с увеличением конкуренции на рынке труда, сокращением числа доступных рабочих мест (большая часть мигрантов занята в малом и среднем бизнесе, наиболее сильно пострадавшим во время карантина) и ожидаемым падением курса рубля, находящимся в прямой зависимости от цен на нефть. При базовом сценарии восстановления экономики массового возвращения мигрантов на рынок труда РФ стоит ожидать в 2022-2023 годах.

При этом следует понимать, что ожидаемое падение ВВП РФ на 5-6 % по итогам 2020 года само по себе может привести к соразмерному падению ВВП стран Средней Азии²⁵, поставляющих рабочую силу в РФ (в первую очередь речь идет о Киргизии, Узбекистане и Таджикистане). В первую очередь это связано с сокращениями объема международных денежных переводов, играющих ключевую роль в экономике этих стран. По прогнозу Всемирного банка общий объем таких транзакций сократится на 20%. Иными словами, общие потери экономик стран-доноров окажутся сильнее, чем в РФ, что в свою очередь может привести к еще большему усилению конкуренции на российском рынке труда со стороны мигрантов в среднесрочной перспективе. Маловероятна и переориентация мигрантов из средней Азии на рынки труда других стран, т.к. спрос на труд по всей видимости некоторое время (до 2-3 лет) будет существенно ниже предложения.

Полноценного снятия ограничений на передвижение не стоит ждать до появления и распространения вакцины. Принятие таких решений основано в первую очередь на эпидемиологической ситуации в стране и должно быть продиктовано управленческой, а не политической логикой. Однако имеет смысл рассмотреть создание системы исключений, позволяющей возобновить ограниченную трудовую миграцию в РФ (для специалистов, сезонных рабочих и т.д.) с одной стороны, и обеспечить механизмы, благодаря которым иностранные граждане могли бы вернуться на родину, с другой стороны.

---

²⁵ Так киргизская экономика только за счет этого потеряет более 360 млн долларов (5%ВВП)

Учитывая плачевное состояние систем здравоохранения в странах Средней Азии, откуда РФ получает большую часть иностранной рабочей силы, разумным будет *разработать новые форматы набора работников*. А именно: обратиться к опыту организованного рекрутирования с обязательным карантином и медицинскими проверками на территории РФ с последующим трудоустройством мигрантов в отраслях, восстанавливающихся после кризиса. На фоне падения рубля оперативная разработка таких мер может помочь России не только сохранить свою привлекательность для трудовых мигрантов, но и повысить ее за счет раннего открытия каналов для трудоустройства. Это улучшит позиции страны по сравнению с соседями, конкурирующими с нами на среднеазиатском рынке рабочей силы (в первую очередь Казахстаном и Турцией).

Текущий кризис – это не только экзистенциальная угроза, но и возможность улучшить положение страны в борьбе за человеческий капитал. Это не утопия, учитывая глобальный характер кризиса и растущее число безработных по всему миру. Экономический кризис и краткосрочный рост безработицы в России не приведут к изменению долгосрочных демографических трендов (низкая рождаемость, старение населения). Принципиально важно не закрывать для иностранцев возможность выхода на российский рынок труда и сохранить миграционную привлекательность в долгосрочной перспективе.

Проблема беженцев в условиях пандемии

Вероятность новой волны миграционного кризиса в ЕС, а также особенности взаимоотношений ЕС и турецкого правительства на этом фоне.

Лагеря беженцев и центры временного содержания особенно подвержены угрозам быстрого распространения инфекционных заболеваний, учитывая невысокий уровень жизни, антисанитарию, недостаток питьевой воды и невозможность соблюдать социальную дистанцию. В этом смысле наиболее опасными являются лагеря беженцев в Греции и Турции.

По условиям сделки между ЕС и Турцией, заключенной в 2016 году, сирийские беженцы, прибывавшие на греческие острова, направлялись обратно в Турцию в обмен на финансовую помощь и упрощенный визовый режим. В начале 2020 года на территории Турции насчитывалось порядка 3.5 миллионов сирийских беженцев, 80 тысяч из которых находились в специализированных лагерях. Большинство из них испытывают проблемы с поисками постоянной работы, социальными гарантиями и доступом к базовым сервисам, что делает их особенно уязвимыми перед вирусом [103]. В начале марта турецкое правительство ослабило контроль над границей и перестало препятствовать передвижению мигрантов в Европу, фактически аннулировав заключенную в 2016 году

сделку. Во многом это решение связано с провалом турецкой военной операции в северной Сирии, одной из целей которой было создание безопасной зоны на под контролем Турции, куда можно было бы переселить большую часть сирийских беженцев. В ответ на прекращение сделки последовала жесткая реакция от ЕС, глава Еврокомиссии заявила, что главный приоритет – поддержание порядка на границе, а Греция является «Щитом Европы» и получит дополнительную поддержку. Полное закрытие границ в связи с пандемией привело к временной заморозке конфликта, однако ситуация является чрезвычайной даже без учёта фактора коронавируса.

Вынужденные мигранты оказались заложниками политического противостояния между Турцией и ЕС. Турецкие официальные лица неоднократно заявляли, что после отмены режима ЧП, связанного с распространением коронавируса, мигранты и беженцы вновь получают возможность беспрепятственно покинуть страну в направлении Европы. Греция, со своей стороны, усиливает охрану границы и планирует укрепить защитные сооружения на сухопутном участке границы с Турцией [104]. В этих условиях безопасность и благополучие беженцев оказываются ценностью третьего порядка, требуется вмешательство международного сообщества. Успешное решение этой проблемы могло бы стать серьезной дипломатической победой либерально-демократических правительств. Однако перед лицом вируса мир стал крайне фрагментированным. У большинства государств нет времени и ресурсов заниматься проблемами за пределами своих границ, а у международных организаций не хватает средств для того, чтобы помочь всем нуждающимся. Заморозка проблемы, попытки решать ее на национальном уровне или политика переноса очага проблемы вовне не могут служить ее решением²⁶.

Ранее в апреле власти Греции закрыли на карантин несколько лагерей беженцев на своей территории после обнаружения в них инфицированных [105]. Помимо этого, беженцев в материковой части страны массово переводят на базовые программы социальной поддержки без предоставления жилья для того, чтобы разгрузить лагеря беженцев на островах, где размещается более 30 тысяч человек при базовой вместимости в 6-10 тысяч. Схожая ситуация на Мальте, под угрозой так же лагеря в секторе Газа, Бангладеш и т.д. Крайне важно, чтобы на фоне распространения COVID-19 в Европе с беженцами не ушла на второй план и оставалась в поле зрения лиц, принимающих решения.

---

²⁶ Речь идет в первую очередь о ряде договоренностей европейских государств с африканскими о финансовой помощи в обмен на удержание мигрантов и беженцев вдали от границ Европы и/или принудительной репатриации.

На практике основным методом работы с беженцами в период кризиса стало их направление или перенаправление в другие страны силами военных или полуофициальных акторов. Так Мальта и Греция неоднократно останавливали в море суда с беженцами и перенаправляли их в сторону Турции [106], Ливии [107] и Италии [108], а сама Италия пошла на беспрецедентные меры, объявив свои порты небезопасными в связи с пандемией и фактически заблокировав вход в них для судов разнообразных НКО со спасенными на борту [109]. В некоторых случаях не обошлось без жертв. Очевидно, что системы приема и помощи беженцам на юге Европы перегружены, а коронавирус создает дополнительные опасности. На этом фоне инициатива итальянского правительства о временной легализации мигрантов, уже находящихся на территории страны, с целью задействовать их в восстановлении экономики выглядит одним из немногих разумных шагов на фоне всеобщих попыток переложить проблему на соседа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Foroutan N. Post-Migrant Society// Bundeszentrale für politische Bildung. 21.4.2015. <https://www.bpb.de/gesellschaft/migration/kurzdossiers/205295/post-migrant-society> (дата обращения 05.06.2020).
2. Simon P. (2017) Migration, Diversity and Remaking of the European Mainstream. RIAC & RANERA Conference paper, Moscow].
3. Glick S.N. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*, Vol.645, Issue 1. Pp.1-24;
4. Glick S.N., Bash L., Blanc-Szanton C. (eds.). *Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. N.Y.: Annals of the New York Academy of Sciences, 1992. Vol. 645;
5. Bamyeh M.A. *Transnationalism*. London: Sage (Current Sociology, 41, 3, Winter), 1993;
6. Hannerz U. *Transnational Connections. Culture, People, Places*. London, New York: Routledge, 1996;
7. Pries L. Transnationale Soziale Räume. Theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko-USA // *Zeitschrift für Soziologie*. 1996..25 (6). Dec. S. 456–472;
8. Vertovec S. 2007. 'Super-diversity and its implications', *Ethnic and Racial Studies* 29(6): 1024-1054.
9. Schierup C.-U., Munk, R. et al., eds., *Migration, Precarity, and Global Governance: Challenges and Opportunities for Labour*. Oxford, Oxford University Press, 2015
10. Glick Schiller, Nina and A.Caglar. 2009. "Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale." *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 35, no.2, pp. 177-202.
11. Vertovec S. "Diversity" and the social imaginary // *European Journal of Sociology*. 2012. N 53(3). P. 287–312.
12. Эль-Мафаалани А. Парадокс интеграции: почему успешная интеграция ведет к еще большей конфликтности. М.: НЛЮ, 2020.
13. Verstraete, P. 2012. *Contested Spaces of Acoustic Community in Post-Migrant Theatre*. Istanbul Policy Center, November 1. Retrieved February 27, 2019 (www.academia.edu/3035561/Contested_Spaces_of_Acoustic_Community_in_Post-Migrant_Theatre).
14. Stewart, L. 2017. "Postmigrant theatre: the Ballhaus Naunynstraßetakes on sexual nationalism." *Journal of Aesthetics & Culture* 9(2):56–68.

15. Bojadžijev, M., Römhild, R. (2014) “Was kommt nach dem “transnational turn”? Perspektiven für eine kritische Migrationsforschung.” Pp. 10–24 in Vom Rand ins Zentrum Perspektiven einer kritischen Migrationsforschung herausgegeben vom Labor Migration. Berlin: Panama Verlag.
16. Çağlar, A. 2016. “Still ‘migrants’ after all those years: foundational mobilities, temporal frames and emplacement of migrants.” *Journal of Ethnic and Migration Studies* 42(6):952–969.
17. Foroutan, N., Kalter, F., Canan, C., Simon, M. (2019) *Ost-Migrantische Analogien I. Konkurrenz um Anerkennung*. Dezim Institute.
18. Foroutan, N., Canan, C., Schwarze, B., Beigang, S., Kalkum, D. (2019): *Deutschland postmigrantisch II. Einstellungen von Jugendlichen und jungen Erwachsenen zu Gesellschaft, Religion und Identität*, Berlin
19. Howard, M. M. *The Politics of Citizenship in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
20. Freeman, G *Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States*. // *International Migration Review*. 1995. T.29 №4. С. 881-902.
21. Schain, M. 2006. *The Extreme-Right and Immigration Policy-Making: Measuring Direct and Indirect Effects*. // *West European Politics*. 2006 T.29 №2. С. 270-289.
22. Малахов В.С. Иммиграционные режимы в государствах Запада и в России: теоретико-политический аспект // *Полис*. 2010. №3, С.60-68.
23. Flood, C. *Political Myth: A Theoretical Introduction*. London: Routledge, 2001.
24. Bottici, C. *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press.2007
25. Yilmaz F. *Right-wing hegemony and immigration: How the populist far-right achieved hegemony through the immigration debate in Europe* // *Current Sociology*. 2012. T.60 №3. С. 368-381
26. Lukassen G. and Lubbers M. 2011. *Who Fears What? Explaining Far-Right-Wing Preference in Europe by Distinguishing Perceived Cultural and Economic Ethnic Threats* // *Comparative Political Studies*, 2011. T.45 №5. С. 547-574.
27. Lazaridis G., Campani G., Benveniste A., editors, *The Rise of the Far Right in Europe: Populist Shifts and “Othering”*. Palgrave Macmillan UK, 2016.
28. Вишнеvский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // *Демографическое обозрение*, 2014, Т.1, №1. С.6-29.
29. *Демографические аспекты социально-экономического развития*. / под ред. Денисенко М. Б. М: МАКС Пресс, 2012.

30. Therborn C. The NATO Demographer // *New Left Review*, 2009 №56 (March-April). С. 136-144.
31. Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016
32. Gardner D. *Future Babble: Why Expert Predictions Fail – and Why We Believe Them Anyway*. Toronto: McClelland and Stewart, 2011
33. Messina A. M. The Logic and Politics of Post-WWII Migration to Western Europe. Cambridge: Cambridge University Press. 2007
34. Hollifield J., Martin Ph. & Orrenius P., editors. *Controlling Immigration: A Global Perspective* 3 edition, Stanford University Press, 2014
35. Oltmer J. *Migration: Geschichte und Zukunft der Gegenwart*. Darmstadt: Theiss, 2017
36. Betts A., editor. *Global Migration and Governance*. Oxford: Oxford University Press. 2010
37. Geiger, M., Pécoud A., editors. *Disciplining the Transnational Mobility of People*. NY: Palgrave. 2013
38. Kunz R., Lavenex S, Panizzon M., editors. *Multilayered migration governance: the promise of partnership*. Routledge, 2011
39. Малахов В.С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т.63. №9. С.104-111.
40. Lacroix, T., Desille A., editors. *International Migrations and Local Governance: A Global Perspective*. Palgrave Macmillan, 2018.
41. Elcano Royal Insitute, Istituto Affari Internazionali. *Italian and Spanish Approaches to External Migration Management in Sahel: Venues for Cooperation and Coherence*. Working Paper. 13/2018.
42. Castles S., Haas H., Miller M. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* 6-th Edition, The Guilford Press, 2018
43. Andrienko Y., Guriev S. *Understanding Migration in Russia* // *CEFIR Policy Papers*. 2005. №23.
44. Малахов В.С., Мкртчян Н.В., Вендина О.И., Флоринская Ю.Ф., Варшавер Е.А., Рочева А.Л. и др. *Международная миграция и устойчивое развитие России* М.: Дело, 2015.
45. Крис Бошмен, Катрин Борр, Корин Реньяр *Население и общества* № 502, Национальный институт демографических исследований, 2013 г.

46. «Территории и происхождение» (TeO): Исследование Национального института демографических исследований и Национального института статистики и экономических исследований, 2008-2009 гг.
47. Maurice Crul (2015): Super-diversity vs. assimilation: how complex diversity in majority–minority cities challenge the assumptions of assimilation, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, p. 1-3.
48. Jens Schneider, Maurice Crul. *Comparative Integration Context Theory: Participation and Belonging in New Diverse European Cities*. *Ethnic and Racial Studies*, Taylor & Francis (Routledge), 2010, 33 (07), p. 22-24.
49. Maurice Crul, Jens Schneider, Frans Lelie. *The European Second Generation Compared: Does the Integration Context Matter?* Amsterdam University Press. (2012),
50. Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / Редактор и составитель М. С. Розанова. Перевод с английского языка М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. — СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016. С. 113.
51. OECD, *Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees in Vienna*, OECD Publishing, Paris, 2018,
52. Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. MA: Harvard University Press.
53. Brubaker R. (2004) *Ethnicity without groups*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
54. Wimmer, A. and Glick Schiller, N. (2003) Methodological nationalism, the social sciences and the study of migration; *International Migration Review* 37(3): 576-610.
55. Agnew, J. (1994) The Territorial Trap: The Geographical Assumptions of International Relations Theory. *Review of International Political Economy* Vol. 1, No. 1 (Spring, 1994), pp. 53-80
56. Brenner N. 1999a. Beyond state-centrism? Space, territoriality and geographical scale in globalization studies. *Theory and Society* 28 (2): 39-78
57. Smith, Robert C. (1997) ‘Transnational Migration, Assimilation and Political Community’, in M.Crahan and A.Vourvoulias-Bush (eds) *The City and the World*. New York: Council of Foreign Relations, pp.110-33.
58. Portes, A., L.E.Guarnizo and P.Landolt (eds) (1999) ‘The Study of Transnationalism: pitfalls and promises of emergent research field ‘ *Ethnic and Racial Studies*. 22 (2): 217-237.

59. Faist T. (2000) *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*. Oxford: Oxford University Press.
60. Portes, A., Guarnizo, L. and Haller, D. (2002) 'Transnational entrepreneurs: an alternative form of immigrant economic adaptation', *American Sociological Review*, 67(2): 278-298.
61. Calhoun, C. (2003) 'Belonging' in the cosmopolitan imaginary. *Ethnicities*, 3 (4): 531-568.
62. Voigt-Graf, C. (2004) 'Towards a geography of transnational spaces: Indian transnational communities in Australia', *Global Networks*, 4(1): 25-49.
63. Vertovec S. (2009). *Transnationalism*. London: Routledge.
64. Brubaker, R (2005) "The 'Diaspora' Diaspora", *Ethnic and Racial Studies* 28 (1): 1-19.
65. Amelina A, Faist T., Nergiz D.D. (eds.) (2013) *Methodologies on the Move: The Transnational Turn in Empirical Migration Research*. London and New York: Routledge.
66. Bauboeck R., Faist T. (2010) *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
67. Amelina, A. & Faist, T. (2012) De-naturalization the national in research methodologies: Key concepts of transnational studies in migration. *Ethnic and Racial Studies*, 35 (10), 1707-1724.
68. Castells M. (1997) *The Power of Identity*. Blackwell.
69. Brenner, N. and Theodore, N. (2002) 'Cities and geographies of actually existing neoliberalism', *Antipode*, 34(3): 348-379
70. Beck U., Sznaider N. (2006) Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda', *British Journal of Sociology*, 57 (1): 1-23.
71. Glick Schiller N. and A.Caglar (2009) "Towards a Comparative Theory of Locality in Migration Studies: Migrant Incorporation and City Scale." *Journal of Ethnic and Migration Studies*, Vol. 35 (2):177-202.
72. Çağlar, A, Glick Schiller N. (2011) "Introduction: Migrants and Cities." In *Locating Migration: Rescaling Cities and Migrants*, edited by N. Glick Schiller and A. Çağlar, 1–22. Ithaca, NY: Cornell University Press
73. Харви Д. (2008) Право на город. Логос: философско-литературный журнал. № 3 (66): 80-94.
74. Harvey D. (1973) *Social Justice and City*. Baltimore: The John Hopkins Press.
75. Harvey, D. (2006) *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London: Verso.

76. Abu-Lughod, J. 1999. New York, Los Angeles: America's Global Cities. Minneapolis: University of Minnesota Press.
77. Brenner, N. 1999b. 'Globalisation as reterritorialisation: the re-scaling of urban governance in the European Union', *Urban Studies*, 36(3): 431-451
78. Sassen S. (2000) *Cities in a World Economy*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press (2nd edition)
79. Wacquant, L. (2008) *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Cambridge: Polity Press.
80. Wacquant, L. 2009. *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham: Duke University Press.
81. Lefebvre H. (2003) *The Urban Revolution*. Minneapolis: Minnesota University Press.
82. Лефевр А. (2008) Другие Парижи. *Логос: философско-литературный журнал*. № 3 (66): 141-147.
83. Dustmann, C, A Glitz and T Vogel (2010), "Employment, wages, and the economic cycle: Differences between immigrants and natives," *European Economic Review* 54(1): 1-17.
84. Immigrant key workers in Europe: The COVID-19 response that comes from abroad // vox.eu URL: <https://voxeu.org/article/covid-19-immigrant-workers-europe> (дата обращения: 5.06.2020).
85. Temporary Reintroduction of Border Control // EU URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control_en (дата обращения: 5.06.2020).
86. Effectiveness of travel restrictions in the rapid containment of human influenza: a systematic review // WHO URL: <https://www.who.int/bulletin/volumes/92/12/14-135590/en/> (дата обращения: 5.06.2020).
87. Denmark – New hotline in 25 languages about coronavirus // EU URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/denmark-new-hotline-in-25-languages-about-coronavirus> (дата обращения: 5.06.2020).
88. Face au Coronavirus – des reactions et des actions pour soutenir les migrants // EU URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/face-au-coronavirus-des-reactions-et-des-actions-pour-soutenir-les-migrants> (дата обращения: 5.06.2020).
89. Auswirkungen der Corona-Pandemie auf die Fachkräfteeinwanderung nach Deutschland erwartet // EU URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/auswirkungen->

der-corona-pandemie-auf-die-fachkräfteeinwanderung-nach-deutschland-erwartet (дата обращения: 5.06.2020).

90. Lithuania – Response to COVID-19 and impact on migrant and refugee integration // EU URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/lithuania-response-to-covid-19-and-impact-on-migrant-and-refugee-integration> (дата обращения: 5.06.2020).

91. Poland implements special measures for residence permits during the COVID-19 pandemic // EU URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/poland-implements-special-measures-for-residence-permits-during-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 5.06.2020).

92. Measures to alleviate negative impacts of COVID-19 on migrant communities in Slovak Republic // EU URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/measures-to-alleviate-negative-impacts-of-covid-19-on-migrant-communities-in-slovak-republic> (дата обращения: 5.06.2020).

93. Impact of government measures related to the coronavirus on third-country nationals in Hungary // EU URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/impact-of-government-measures-related-to-the-coronavirus-on-third-country-nationals-in-hungary> (дата обращения: 5.06.2020).

94. Avoiding a COVID-19 Migration Crisis // Syndicate URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-could-fuel-migration-crisis-by-md-shahidul-haque-2020-04> (дата обращения: 5.06.2020).

95. Spain creates a universal minimum income targeted at 2.3 million people // fastCompany URL: <https://www.fastcompany.com/90511093/spain-creates-a-universal-minimum-income-targeted-at-2-3-million-people> (дата обращения: 5.06.2020).

96. Foreign workers in agriculture can stay in Estonia for the time being // ERR URL: <https://news.err.ee/1074084/foreign-workers-in-agriculture-can-stay-in-estonia-for-the-time-being> (дата обращения: 05.06.2020).

97. Secteurs agricoles et horticoles : les saisonniers pourront travailler plus longtemps // References URL: <https://references.lesoir.be/article/secteurs-agricoles-et-horticoles-les-saisonniers-pourront-travailler-plus-longtemps/> (дата обращения: 05.06.2020).

98. Main d'œuvre saisonnière, les réfugiés en renfort // PRÉFET DE SEINE-ET-MARNE URL: <http://www.seine-et-marne.gouv.fr/content/download/42625/319839/file/20200330-CP%20saisonnier%20refugies.pdf> (дата обращения: 05.06.2020).

99. Konzeptpapier Saisonarbeiter im Hinblick auf den Gesundheitsschutz [Coronavirus (SARS-CoV-2)] // BMI/BMEL URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/2020/corona/konzept>

papier-

saisonarbeiter.pdf;jsessionid=AA84AF29AD728757C5DD32099C4D62C2.2_cid373?__blob=publicationFile&v=7 (дата обращения: 05.06.2020).

100. Regularizzazione dei migranti, il testo integrale della bozza di legge // L'Economia URL: https://www.corriere.it/economia/lavoro/20_aprile_18/regolarizzazione-migranti-testo-integrale-bozza-legge-eff9bf04-8144-11ea-b7e0-dce1b61a80bf.shtml?refresh_ce-sr (дата обращения: 05.06.2020).

101. Temporary Foreign Worker Program – COVID-19 // Government of Canada URL: <https://www.canada.ca/en/employment-social-development/services/foreign-workers/notice-covid-19.html> (дата обращения: 05.06.2020).

102. Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 № 274 "О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)" // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004180001> (дата обращения: 05.06.2020).

103. Precarious lives: Syrian refugees in Turkey in corona times // VOX URL: <https://voxeu.org/article/precarious-lives-syrian-refugees-turkey-corona-times> (дата обращения: 05.06.2020).

104. Greece will 'build the wall' on Turkish border to deal with migrant threat // REMix URL: <https://rmx.news/article/article/greece-will-build-the-wall-on-turkish-border-to-deal-with-migrant-threat> (дата обращения: 05.06.2020).

105. How COVID-19 is throttling vital migration flows // World Economic Forum URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/covid-19-is-throttling-vital-migration-flows/> (дата обращения: 05.06.2020).

106. Turkey rescues 85 migrants and refugees pushed back by Greece // DailySabah URL: <https://www.dailysabah.com/politics/eu-affairs/turkey-rescues-85-migrants-and-refugees-pushed-back-by-greece> (дата обращения: 05.06.2020).

107. Exclusive: 12 die as Malta uses private ships to push migrants back to Libya // Guardian URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/may/19/exclusive-12-die-as-malta-uses-private-ships-to-push-migrants-back-to-libya> (дата обращения: 05.06.2020).

108. We give you 30 minutes': Malta turns migrant boat away with directions to Italy // Guardian URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/may/20/we-give-you-30-minutes-malta-turns-migrant-boat-away-with-directions-to-italy> (дата обращения: 05.06.2020).

109. Italy declares own ports 'unsafe' to stop migrants arriving // Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/08/italy-declares-own-ports-unsafe-to-stop-migrants-disembarking> (дата обращения: 05.06.2020).